

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38

О РАННИХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ И ИХ ЗНАЧЕНИИ В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Канделаки Д. А.

*Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии
384000, г. Сухум, ул. Аидгылара, д. 44, Республика Абхазия*

*Пицундский историко-археологический музей
г. Пицунда, ул. Гицба, д. 8, Республика Абхазия*

Аннотация

Цель. Рассмотрение проблемы сложения производящей земледельческо-скотоводческой экономики на территории Абхазии в эпоху неолита.

Процедура и методы. Приводятся некоторые теоретические суждения о вероятных сценариях, механизмах, а также хронологии этих процессов в соотношении с аналогичными процессами неолитизации, происходившими в соседних областях. Сделан анализ роли этих процессов в свете древнейшей этногенетической истории Абхазии и Восточного Причерноморья.

Результаты. Главный тезис данной работы заключается в том, что на территории Восточного Причерноморья шёл процесс сложения неолитического хозяйства практически синхронно с ранними ближневосточными центрами неолитизации. Создателями неолитических культур Восточного Причерноморья были многочисленные древние общины, носители западнокавказских языков.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые проведён предварительный синтез различных источников для реконструкции древних этногенетических процессов, протекавших на территории Кавказского Причерноморья, и в частности в Абхазии, в дописьменный период. Используются данные палеогеографии, археологии и исторической этнологии с целью сопоставления материальной культуры населения с данными лингвистики, в частности культурной лексики, и определения того природного окружения, в которых проходило развитие общества. По мнению автора, именно синтез вышеперечисленных источников позволяет очертить основные географические (ареальные) границы и хронологию древних этапов этногенетической истории населения Восточного Причерноморья.

Ключевые слова: Абхазия, Восточное Причерноморье, плейстоцен, голоцен, Апианча, Холодный грот, Кистрик, неолит, неолитическая революция, земледелие, скотоводство, просо, синно-кавказская макросемья, дене-кавказская макросемья, енисейская семья, западнокавказские языки, хатты

ON THE EARLY STAGES OF AGRICULTURE AND CATTLE BREEDING FORMATION IN THE TERRITORY OF ABKHAZIA AND THEIR SIGNIFICANCE IN ETHNOGENETIC RESEARCH

D. Kandelaki

Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D. I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia

ul. Aidgylara 44, Sukhum 384000, Republic of Abkhazia

Pitsunda Historical and Archaeological Museum

ul. Gitsba 8, Pitsunda, Republic of Abkhazia

Abstract.

Aim. To consider the problem of the formation of an agricultural and cattle-breeding economy in the territory of Abkhazia in the Neolithic era.

Methodology. Some theoretical judgments are given about the probable scenarios, mechanisms, as well as the chronology of these processes in relation to similar Neolithic processes that took place in the neighboring areas. An analysis of the role of these processes in the light of the ancient ethnogenetic history of Abkhazia and the Eastern Black Sea region is made.

Results. The main argument of this work is that in the territory of the Eastern Black Sea region there was a process of addition of the Neolithic economy almost synchronously with the early Middle Eastern centers of the Neolithic. The creators of the Neolithic cultures of the Eastern Black Sea region were numerous ancient communities, speakers of West Caucasian languages.

Research implications. For the first time, a preliminary synthesis of various sources was carried out for the reconstruction of ancient ethnogenetic processes that took place on the territory of the Caucasian Black Sea region, and in particular in Abkhazia of the time before written historical records. The data of paleogeography, archeology and historical ethnology were used to compare the material culture of the population with the data of linguistics, in particular cultural vocabulary, and to determine the natural environment in which the development of society took place. According to the author, it is the synthesis of the above sources that makes it possible to outline the main geographical (areal) boundaries and the chronology of the ancient stages of the ethnogenetic history of the population of the Eastern Black Sea region.

Keywords: Abkhazia, Eastern Black Sea region, Pleistocene, Holocene, Apiancha, Kholodniy Grot, Kistrík, Neolithic, Neolithic revolution, agriculture, cattle breeding, millet, Sinno-Caucasian macrofamily, Dené-Caucasian macrofamily, Yeniseian family, West Caucasian languages, Hatti

Введение

Географическое положение территории Абхазии вблизи древнейшего Ближневосточного очага зарождения производящей неолитической земледельческо-скотоводческой экономики делает необходимым вновь вернуться к проблеме неолита нашего региона. Эта необходимость, с одной стороны, связана с отставанием в исследовании неолитической эпохи в Абхазии за последние десятилетия, а с другой – в наметившейся

тенденции отрицать вероятность существования развитой неолитической культуры на Западном Кавказе [4, с. 263–266; 18, с. 61–72; 23, с. 90–91].

Для начала обратимся к основным положениям, сформулированным современной наукой касательно общего понятия «неолит». Традиционно для определения неолита как отдельного исторического этапа специалистами используются различные критерии, среди которых новые приёмы обработки камня, внедрение ке-

рамического производства, изменения в социальной структуре общества, зарождение земледелия и скотоводства¹. Такое разнообразие подходов обусловлено тем фактом, что неолит – это не однолинейная модель, а неравномерная в темпах своего развития эпоха, которая в том или ином регионе имела свои особенности. В современной науке она как никакая другая эпоха «нагромождена» для отдельно взятых регионов и хронологических этапов различного рода уточняющими дефинициями, как-то: «лесной неолит», «субнеолит», «докерамический неолит», «бескерамический неолит», «пережиточный мезолит», «керамический неолит», «производящий неолит», «присваивающий неолит», «присваивающе-производящий неолит» [2, с. 73–86; 21, с. 6–9]. В такой ситуации, если неолит как отдельная историческая эпоха всё ещё продолжает сохраняться в науке, то ряд аспектов в её изучении претерпевают в свете новейших исследований существенные корректировки². Так, с одной стороны, истоки зарождения неолитических новаций происходили ещё на границах позднего плейстоцена и раннего голоцена, а с другой стороны, те условно прогрессивные преобразования, которые получили названия «неолитическая революция», были не столь революционными по скорости и темпам [11, с. 106–109; 12, с. 61–64; 13, с. 5–16]³. Переход общества от при-

сваивающих к производящим формам хозяйства протекал в условиях порой драматических природно-климатических изменений и перестройки всей прежней модели жизнеобеспечения в условиях новой экологической обстановки⁴.

Описанный выше сценарий осуществлялся только в одном единственном регионе, а именно в аридных областях Передней Азии, который и следует называть собственно неолитом «ближневосточного» типа или даже неолитом вообще. В тех местах, где не было перехода к производящим формам экономики, неолита попросту не было, т. к. отсутствовали предпосылки для такого перехода, а основные навыки производящей экономики были привнесены извне. Связано это с тем, что во внеаридных областях, где природно-климатические перестановки в эпоху раннего голоцена носили несколько иной характер, складывались кардинально иные модели жизнеобеспечения. В бывших перигляционных областях в процессе таяния ледников формировались обширные лесные массивы и густая сеть внутренних водоёмов, что создавало устойчивую адаптивную модель хозяйства охотников, собирателей и особенно рыболовов, не уступавшую, если даже не превосходящую по качеству, стабильности и высокопродуктивности ведения хозяйства ранние неолитические общества Ближнего Востока⁵. По сути, модель развития обществ Западной и Восточной Европы «периода глобального потепления» должна рассматриваться как некая адаптационная аналогия по отношению к культурам Ближнего

¹ С нашей точки зрения, неолит как отдельная эпоха должна выделяться только по самому значимому критерию, а именно – наличию свидетельства производящей земледельческо-скотоводческой экономики.

² См. корректировки для территории Восточного Причерноморья в [7, с. 51–54].

³ В период голоцена мы отрицаем для так называемых Средиземноморных (Альпийско-Гималайских) областей наличие мезолита, во всяком случае, для областей Передней Азии и, со всей очевидностью, Кавказа. Последний был характерен для перигляционных постплейстоценовых обществ Европы. Для эпохи голоцена лучше говорить о линии развития, и в аридных областях с ним связывают кратковременный эпизод «микrolитизации» или эпипалеолита с последующим переходом в эпоху неолита.

⁴ Прим.: Неолит – это, скорее, не время начала революционных преобразований, а эпоха окончательной стабилизации и завершения всей адаптационной трансформации, итогом которой стал переход к земледелию и скотоводству [7, с. 51–54].

⁵ Прим.: к такой форме хозяйственной деятельности можно применить обобщающую категорию «водное собирательство», понимая под этим термином широкий диапазон использования преимущественно водных пищевых ресурсов рек, озёрных водоёмов и прибрежных морских зон.

Востока [5, с. 259–263]¹. Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос, а какой сценарий развития общества в эпоху раннего голоцена протекал в Восточном Причерноморье?

К проблеме сложения неолита Кавказского Причерноморья

Сегодня сложно что-либо сказать о самих механизмах и сценариях, а равно и хронологии сложения неолита Кавказского Причерноморья. Время начала сложения первых признаков археологической эпохи неолита и, возможно, с осторожностью, уже навыков сложения земледелия и скотоводства, мы определяем лишь по наличию каменного инвентаря. В широком диапазоне процесс перехода к производящему хозяйству на нашей территории мы определяем в пределах I горизонта пещеры Апианча, который хронологически соответствует концу X – началу IX тыс. до н. э. и является завершающим для мезолита (правильнее: эпипалеолита) и переходным к началу неолита в археологическом контексте этого термина [1, с. 51–57; 20, с. 19–38]. Примерно такими же хронологическими рамками датируется и неолитический памятник Гал I (бывший Пирвели Гали), для которого допускают дату не позднее VII тыс. до н. э., что в целом отражает реальную картину культурно-исторических процессов в пределах Абхазии [16, с. 157–176; 17, с. 101–118]. Подобное характерно и для других памятников, переходных от позднего мезолита к раннему неолиту [3, с. 5–19; 4, с. 263–266; 14, с. 14–37; 15, с. 43–53; 20, с. 19–38]. Верхняя колонка завершающего этапа неолитической эпохи Абхазии вполне согласуется по данным о датировках поселений «Шулавери-Шомутепинской» культуры на территории

Центрального и Восточного Закавказья и «Дарквет-Мешоковской (Восточнопричерноморской)» культуры Западного Кавказа [2, с. 73–86; 23, с. 84–93]. Таким образом, неолит Абхазии в археологическом контексте, очевидно, находится в рамках начала конца IX – начала VIII по конец VI – начала V тыс. до н. э. [8, с. 23–29].

Если о хронологии данных процессов мы имеем общие представления, то пока сложно что-либо сказать о хозяйственной деятельности неолитического населения Абхазии. С учётом уровня наших знаний из области археологии предварительно можно представить следующую картину. Симптоматичные следы присутствия остатков растений на таких памятниках, как Холодный грот, пещера Апианча и поселение Кистрик, свидетельствуют о зарождении усложнённого сезонного собирательства злаковых, послуживших в дальнейшем основой доместикации и перехода к земледелию. Данную картину дополняет наличие орудий труда, которые по своему функциональному назначению свидетельствуют об активном поиске населением Абхазии новых форм ведения хозяйства в раннем голоцене [21, с. 23–29]. Таким образом, в Абхазии закладывались основы неолитического хозяйства. Однако пока остаётся открытым вопрос, была ли территория Абхазии, а шире – и всё Восточное Причерноморье, центром самостоятельного сложения производящей экономики, или основные навыки земледелия и скотоводства были получены в ходе культурных контактов или непосредственно связано с инвазией древнего населения?². Археологические материалы эпохи голоцена Абхазии, скорее всего, недвусмысленно свидетельствуют о том, что общество в нашем регионе так же шло по пути сложения производящего хозяйства. Здесь, в Абхазии, отдельные памятники несут следы хозяйства, которые имели диффе-

¹ В период раннего голоцена развитие культур в период завершения плейстоценового оледенения пошло 2 разными путями. В Европе стали формироваться культуры мезолитические, а на Ближнем Востоке – неолитические. То есть следует говорить о 2 параллельных линиях развития.

² Подробное изложение концепции по данной проблеме представлено в [7, с. 51–54; 8, с. 23–29].

ренцированный характер, как будто бы свидетельствуя о начале активного поиска населением новых альтернативных моделей жизнеобеспечения, но, возможно, не столь ускоренными темпами¹. Специфика экологической среды способствовала формированию специфической стратегии жизнеобеспечения, среди которой следует отметить активное усложнённое собирательство, очевидно, сезонное, активное использовании речных и морских ресурсов.

Преждевременно, по нашему мнению, говорить о том, что в Абхазии зарождение земледелия и скотоводства запаздывало по сравнению с ближневосточными центрами и уж тем более вовсе отсутствовало, как это стало утверждаться в некоторых новейших исследованиях. Высока вероятность, что в случае возобновления исследования неолита на территории Абхазии будут обнаружены памятники, которые спрогнозируют вероятность перехода к производящему хозяйству уже в постплейстоценовый период и которые дадут нам возможность проследить за всем ходом эволюции зарождения земледелия и скотоводства синхронно Ближневосточным центрам.

Резюмируя вышесказанное и основываясь в большей мере на теоретических построениях в рамках гипотезы, считаем, что в Восточном Причерноморье и на Западном Кавказе в целом древним населением синхронно с ближневосточными центрами осуществлялся переход к земледелию и скотоводству, шёл процесс доместикации культурных растений и домашних животных². Однако опреде-

лению хронологии и механизмов такой доместикации препятствует отсутствие значительных палеоботанических и палеозоологических находок, что связано с особенностями климата³. Импульс расселения ранних земледельцев и скотоводов в Причерноморье следует связать с соседними горными и предгорными зонами, с постепенным освоением Колхидской низменности. Самой ранней культурой, послужившей основой зарождения у местных раннеголоценовых общин навыков сезонного собирательства злаковых, является просо (могар) и, очевидно, рожь⁴.

Наличие богатого разнообразия древесных и плодовых форм в связи с вхождением данной территории в область Колхидской флористической провинции способствовало и зарождению зачатков древнего садоводства. А особенности рельефа благоприятствовали формированию на начальных этапах подсечно-огневого земледелия. Процессы сбора и переработки продуктов земледелия и собирательства документируют крупные ножевидные пластины, тёрочки и зернотёрки.

Наличие лесных массивов содействовало зарождению на начальных порах свиноводства и козоводства, а позже и разведению крупного рогатого скота. Большую роль, очевидно, играло рыболовство, достигшее в эпоху неолита пика своего развития. Вначале была развита рыбоохота, затем она сменилось рыболовством.

Вот таким уровнем знаний мы сегодня обладаем по неолитической эпохе Абхазии.

¹ Примерно такого же схожего взгляда придерживается сейчас специалист, исследующий плейстоценовые и голоценовые культуры и памятники на Северо-Западном Кавказе [15, с. 43–53].

² Несомненно, в период раннего голоцена высвободившиеся от покровного горного оледенения территории среднегорий Абхазии способствовали расширению произрастания трав, включая злаковые виды. Именно в это время начинается систематическое сезонное собирательство злаковых культур. Что же касается скотоводства, то в условиях лесных

массивов широколиственных лесов наиболее продуктивно было одомашнивание свиней и коз, а чуть позже уже овец и крупного рогатого скота.

³ Просо, обнаруживаемое в Восточном Причерноморье, относится к совершенно другому виду и не связано с видами Восточной и Юго-Восточной Азии.

⁴ Прим.: с этим типом хозяйственной практики следует связать и зарождение обряда вторичного захоронения.

Зарождение земледелия и скотоводства как источник реконструкции древних этногенетических процессов

К сожалению, на сегодняшнем уровне наших знаний мы не можем сказать о том, кем были создатели древнейших культур раннего голоцена и на каких языках они говорили. Здесь можно допустить 2 гипотетические модели. Первая модель допускает, что территория Абхазии и сопредельные области заселялись сапиенсами разной популяционной природы, носителями генетически изолированных и неродственных языков. Вторая модель предполагает вероятность существования на означенных территориях единой группы родственных диалектов и языков. Данная проблема очень важна ещё и потому, что нам необходимо установление точной нижней хронологической границы времени формирования той общности, которая в будущем предстанет в облике групп языков, объединяемых сейчас в т. н. западнокавказскую группу. Однако данному хронологическому поиску препятствует тот факт, что проведение связи древних языков позднего плейстоцена с языками более поздними вряд ли корректно, т. к. речь идёт о таком древнем языковом покрове, которому нельзя найти аналогии в современных языках, т. к. он был стёрт и не оставил языковых потомков. Высока вероятность, что древние языки плейстоценовой эпохи вообще не сохранились¹. Для эпохи раннего голоцена в областях Восточного Причерноморья и ряда соседних областей единственными и главными претендентами могут быть только носители языков одной макросемьи – дене-кавказской и её севернокавказской и далее западнокавказской

¹ Судя по имеющимся глубоким реконструкциям древних языковых семей и макросемей, их генезис не уходит глубже границ раннего голоцена. Данное обстоятельство со всей очевидностью допускает то, что в плейстоценовую эпоху существовали иные несохранившиеся языки, которые не оставили потомков.

ветвей [22, с. 289–311]².

В свете современных лингвистических исследований принят следующий предварительный сценарий становления и дальнейшего развития этой макросемьи. Самой ранней ветвью отделилась семья языков на-дене, а оставшееся синно-кавказское звено этой общности сохранялось в виде общего диалектного континуума в пределах областей, примыкавших к Средней Азии и, видимо, Ирана. Период сложения синно-кавказской макросемьи датируется периодом VIII или IX тыс. до н. э. Несколько позже синно-кавказская общность распадается на восточную и западную ветви, когда от неё в период от VI до IV тыс. до н. э. отделилась пра-синно-тибетская семья, а позже, вероятно, во II тыс. до н. э. и праенисейская ветвь [22, с. 289–311]. Именно с западно-синно-кавказской ветвью и связана, очевидно, дальнейшая историческая судьба создателей раннеголоценовых культур Кавказа, Восточного Причерноморья и ряда культур Передней Азии.

По мнению специалистов, на территории древнего Ближнего Востока на роль создателей ранних неолитических культур могут претендовать 2 макросемьи – афразийская и синно-кавказская. Древнейшие представители этих двух макросемей распространили навыки земледелия и скотоводства, с одной стороны, афразийцы из Леванта и Восточного Средиземноморья в Северную Африку и Аравию, а синно-кавказцы – из областей

² Языки семьи на-дене по ряду данных со всей очевидностью представляют наиболее древнюю группу синно-кавказской макросемьи, что позволяет говорить о существовании в прошлом более обширного объединения дене-кавказской макросемьи. К сожалению, сегодня далеко от разрешения проблема определения прародины всей трёхчастной модели данной макросемьи. Сразу оговоримся, прародину самой большой таксономической единицы, такой как дене-кавказская макросемья, следует искать, очевидно, в областях либо Центральной Азии, либо Сибири, до отделения самого раннего звена в лице языков на-дене и их последующего ухода через Берингию, очевидно, периодом позднего дриаса.

Северной Месопотамии и Ирана на Кавказ, Анатолию и со всей очевидностью в Европу [19, с. 35–53].

В связи с этим для нас актуальна проблема времени и места обособления и формирования уже собственно носителей северокавказских языков, в недрах которых потом сформируются будущие носители западнокавказских языков.¹ Время обособления собственно северокавказской семьи, а равно как ареала, где происходил этот процесс, должно строго коррелировать с данными по культурной лексике и лексике природного окружения как самой северокавказской семьи, так и более ранней макросемьи, в состав которой на правах члена она входила, т. е. синно-кавказской. Время начала распада западного ответвления синно-кавказской макросемьи происходило, очевидно, уже в середине мезолита, когда её древние носители уже постепенно переходили к освоению навыков земледелия и скотоводства в недрах ещё мезолитической эпохи. Это подтверждается и тем, что уже позже обособившаяся северокавказская семья предстаёт с богато представленной культурной лексикой развитого неолитического облика. Время этого обособления, несомненно, должно приходиться на период конца мезолита и начала неолита, когда с началом распада западного ответвления синно-кавказской макросемьи из неё выделилась прабаскская ветвь [24, с. 95–105]. Оставшийся на месте в пределах Кавказа, Анатолии, Северной Месопотамии и Ирана осколок некогда обширной общности формируется уже независимо в качестве северокавказской семьи². Исходя из данной модели,

представителями древнейшей культуры обитателей Кавказа, а значит и Абхазии, уже на рубежах мезолита и неолита были древние представители северокавказской языковой семьи.

Позже уже на месте в пределах этой общности стало намечаться обособление отдельных крупных ветвей – западнокавказской и восточнокавказской. По мнению специалистов, время такого обособления должно было происходить не ранее начала IV тыс. до н. э. Общеисторические данные свидетельствуют в пользу более раннего этапа такого разделения.

Судя по данным культурной лексики, это обособление стало окончательным лишь в период знакомства с древнейшими навыками металлургии меди. Причём, судя по географии самых ранних очагов сложения древнейшей металлургии меди, первые шаги к металлургии совершались на южной периферии обширной северокавказской общности, а именно в областях Северной Месопотамии и Анатолии. Данный факт вполне согласуется с наличием наиболее ранних и архаичных представителей северокавказской языковой семьи в лице хаттов и хурритов³. Тем самым датировать время обособления

отжимных пластинах». По одному из вероятных сценариев данная традиция распространялась на Кавказе, где импульсом и очагом её сложения стал круг культур с таким эталонным памятником, как Дарквети, т. е. даркветская культура, и с таким её поздним раннеэнеолитическим продолжением, как дарквет-мешоковская культура (в авторском понимании лучше именовать эту культуру восточнопричерноморской). Далее в своем движении данная культура достигла областей Крыма и Северного Причерноморья. Именно эта культура, вероятнее всего, и несла традиции навыков производящей сельскохозяйственно-скотоводческой экономики, в т. ч. из Восточного Причерноморья в Крым и, вероятно, в уже более ослабленной интенсивности – в Северное Причерноморье. В частности, вероятно, таким путём попало просо в Европу [17, с. 101–118].

³ В случае с хурритами автор предполагает сценарий, по которому в период миграции пракартвелов с территории Центрального Кавказа произошло демографическое давление, спровоцировавшее активную миграцию хуррито-урартов и ряда древних нахско-дагестанских народов на юг от Кавказа, в частности, на Ближний Восток и Иран.

¹ Мы не исключаем, исходя из общеисторических данных, реальности того факта, что западно- и восточнокавказскую группы следует рассматривать в качестве отдельных языковых семей, но, несомненно, состоящих в близком родстве, в т. ч., возможно, «приобретённом».

² Присутствие этой общности, вероятно, следует связать и с археологическим свидетельством импульса носителей технико-технологических традиций «отжимного расщепления» и «трапеций на

севернокавказской общности на западную и восточную ветвь можно периодом не позднее VI тыс. до н. э.¹.

Правда, до недавнего времени наличие богатой культурной лексики в прасевернокавказской общности в качестве носителя развитой неолитической экономики может считаться доводом в пользу того, что основной ареал её сложения должен был быть к югу от Кавказа².

Уже в период размежевания 2 основных ветвей северокавказской семьи они, т. е. обе ветви – восточнокавказская и западнокавказская, находились в местах своего нынешнего современного бытования. Восточное Причерноморье было уже в то время заселено многочисленными общинами, носителями древнего северокавказского языка, и представляло собою совокупность более или менее однородных диалектных групп. Географический контур группы этих общин охватывал обширную Восточнопричерноморскую дугу, где они формировались в виде этноязыковых лингвореликтов, формируясь в этих естественных ландшафтных рефугиумах. Здесь в условиях относительно однородной экологической среды общество переходило к новым производящим формам ведения хозяйства. Населявшие предгорные и холмистые зоны древние раннеголо-

ценовые общины постепенно осваивали прибрежные плодородные аллювиальные долины. Это и были древние общины и поселенцы – носители прасевернокавказских диалектов, будущие представители западнокавказской (абхазо-адыгской) общности. На Кавказе они активно осваивали речные долины и предгорья, а позже вплотную подошли к субтропическим Колхидским прибрежным лесам.

В это же время аналогичные процессы происходили на южной периферии этой огромной общности. Здесь, на юге в Анатолии, после отступления крупных озёрных водоёмов с предгорий гор Тавра и склонов Понтийских гор стали спускаться многочисленные общины, потомки древних насельников, которые оставили нам такие эталонные памятники, как Чейюню-тепеси, Гебекли-тепеси и аналогичные им памятники, осваивая речные долины, в т. ч. рек Кзыл-Ирмак и Ешиль-Ирмак, они достигли Южного Причерноморья. Это и были многочисленные общины носителей древних западнокавказских языков, от которых в пределах древней Анатолии до нас дошёл только лишь хаттский язык³.

Будучи ещё создателями культур раннеголоценового периода, эти древние носители западнокавказских языков занимались первоначально сезонным собирательством диких зерновых культур, в частности, проса, по аналогии со своими ближневосточными соседями. Очевидно, разводили уже свиней и коз, а наличие богатых лесов способствовало зарождению в будущем и зачатков древнейшего садоводства. Позже с окончательным утверждением неолитической производящей земледельческо-скотоводческой экономики на южной периферии запад-

¹ Вероятно, этим же временем либо несколько более ранним периодом к навыкам производящей экономики переходили находившиеся по соседству с прасевернокавказцами многочисленные общины носители праафразийских языков, а также очевидно многочисленные общины носители реликтовых языков Северной и Южной Месопотамии.

² Доводом для этого якобы служит тот факт, что по данным археологии такой развитой неолитической культуры на Кавказе в период существования носителей прасевернокавказского языка пока ещё не существовало [22, с. 289–311]. Тезис о том, что наличие в культурной лексике прасеверокавказского языка терминов развитой неолитической культуры, может явиться доводом в пользу южной Ближневосточной локализации северокавказской семьи, требует осторожного подхода. К сожалению, для северокавказской семьи специальные междисциплинарные работы по сопоставлению культурной лексики с данными археологии и палеогеографии пока редки.

³ Несомненно, хатты лишь небольшой осколок некогда обширной, но не сохранившейся группы языков, которые, если так можно выразиться, не успели зафиксироваться исторически, т. е. на территории Древней Анатолии существовали и другие аналогично хаттскому древние языки западнокавказского круга.

нокавказского языкового ареала древние западнокавказцы вступили на путь освоения первых навыков металлургии меди.

Уже на пороге энеолита вся эта территория окончательно формирует облик носителей языков западнокавказского круга, а в языках её современных потомков мы и фиксируем в качестве праязыковой основы культурную лексику неолита/энеолита как объективное отражение самостоятельного перехода их древних предков к земледелию и скотоводству в местах их древнего, а по сути, и нынешнего бытования. Уже на рубежах неолита и энеолита западнокавказская общность предстаёт на юге носителями хаттского языка, а на севере, на кавказской стороне, в виде многочисленных языков абхазо-адыгского круга [6, с. 51–70].

Заключение

Итак, согласно вышеизложенному, автохтонные западнокавказские языки как, впрочем, и их древние носители, уже формировались здесь на месте и были творцами и создателями неолитической культуры «восточнопричерноморского» типа. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные по лексике природного окружения, в которой представлена и морская/береговая лексика. Она лишней раз подтверждает, что западно-кавказская общность в своей древнейшей этногенетической истории тяготела к прибрежным зонам, и в нашем случае это было побережье Чёрного моря [9, с. 296–306; 10, с. 289–295].

Дата поступления в редакцию 01.10.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердзенишвили Н. З., Церетели Н. З. К вопросу об истоках неолитической культуры Черноморского побережья Грузии (по материалам пещеры Апианча) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 51–57.
2. Бжания В. В. Кавказ // Неолит Северной Евразии / отв. ред. С. В. Ошибкина. М., 1996. С. 73–86.
3. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры / Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, Е. В. Дороничева, М. А. Кулькова, Т. В. Сапелко, Ю. Н. Спасовский // Российская археология. 2016. № 3. С. 5–19.
4. Зайцева Г. И., Трифонов В. А., Дергачев В. А. Проблема неолитизации Западного Кавказа и изменение окружающей среды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. / отв. ред. А. Г. Ситдииков. Казань, 2014. С. 263–266.
5. Канделаки Д. А. Становление производящей экономики на территории Абхазии // Человек: его биологическая и социальная история: мат-лы конф. Т. 2 / отв. ред. Н. А. Дубова. М., 2010. С. 259–263.
6. Канделаки Д. А. Хатгы. Локализация. Идентификация. Хронология // Якаевские чтения: сб. конф. / отв. ред. Ю. Г. Макаренко. Краснодар, 2016. С. 51–70.
7. Канделаки Д. А. Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка) // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных: тезисы междунар. конф. / отв. ред. В. А. Алекшин. СПб., 2016. С. 51–54.
8. Канделаки Д. А. Зарождение древнего земледелия на территории Абхазии: к проблеме ранних этапов (взгляд историка) // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем / под ред. И. В. Крючкова. Ставрополь, 2021. С. 23–29.
9. Климов Г. А. Абхазо-адыгские этимологии I (исконный фонд) // Этимология: Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1967. С. 296–306.
10. Климов Г. А. Абхазо-адыгские этимологии II (заимствованный фонд) // Этимология: Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1968. С. 289–295.
11. Колобова К. А. Эпипалеолит Ближнего Востока: обзор исследовательских концепций // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2. С. 106–109.

12. Колпаков Е. М. Периодизация и понятие «неолит» // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 61–64.
13. Корниенко Т. В. Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «неолитической революции» на территории центральной части плодородного полумесяца // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 5–16.
14. Кушнарева К. Х., Рысин М. Б. К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / под ред. В. И. Тимофеева, Г. И. Зайцева. СПб., 2004. С. 14–37.
15. Леонова Е. В. Ещё раз о неолите Северного Кавказа // Российская археология. 2019. № 4. С. 43–53.
16. Манько В., Чхатаршвили Г. Миграционные процессы и вопросы культурного взаимодействия в Закавказье в XII–VI тыс. до н. э. // Вестник Армяноведения. 2021. № 1. С. 157–176.
17. Манько В. О., Чхатарашвили Г. Л. На границе двух миров: восточный и западный импульсы в процессе неолитизации Восточной Европы // Прочнее меди / под ред. Л. В. Дергачёвой. Кишинёв, 2023. С. 101–118.
18. Мешвелиани Т. К. К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 61–72.
19. Милитарёв А. Ю., Шнирельман В. А. К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: тезисы и доклады конф. Ч. 5 / под ред. И. Ф. Вардуль. М., 1984. С. 35–53.
20. Небиеридзе Л. Д. Неолит Юго-Западного Кавказа // Археология Кавказа. 2009–2010. № 2-3. С. 19–38.
21. Ошибкина С. В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / под ред. С. В. Ошибкиной. М., 1996. С. 6–9.
22. Старостин С. Н. Культурная лексика в общесевернокавказском словарном фонде // Старостин С. Н. Труды по языкознанию М.: Языки славянских культур, 2007. С. 289–311.
23. Трифонов В. А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе / под ред. В. А. Трифонов. СПб., 2009. С. 84–93.
24. Чирикба В. А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия / под ред. Б. Б. Пиотровского. М., 1985. С. 95–105.

REFERENCES

1. Berdzenishvili N. Z., Tsereteli N. Z. [On the Origins of the Neolithic Culture of the Black Sea Coast of Georgia (Based on the Materials of the Apiancha Cave)]. In: *Issledovaniya po mezolitu i neolitu SSSR* [Research on the Mesolithic and Neolithic of the USSR]. Leningrad, 1983, pp. 51–57.
2. Bzhanian V. V. [Caucasus]. In: Oshiblina S. V., ed. *Neolit Severnoy Yevrazii* [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow, 1996, pp. 73–86.
3. Golovanova L. V., Doronichev V. B., Doronicheva E. V., Kulkova M. A., Sapelko T. V., Spasovskii Yu. N. [The New Data on the Neolithic of the North-west Caucasus from the Mezmaiskaia Cave]. In: *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2016, no. 3, pp. 5–19.
4. Zaitseva G. I., Trifonov V. A., Dergachev V. A. [The problem of neolithization of the Western Caucasus and environmental change]. In: Sitdikov A. V., ed. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani. T. 1* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Vol. 1]. Kazan, 2014, pp. 263–266.
5. Kandelaki D. A. [Formation of the producing economy on the territory of Abkhazia]. In: Dubova N. A., ed. *Chelovek: yego biologicheskaya i sotsialnaya istoriya* T. 2 [Man: his biological and social history. Vol. 2]. Moscow, 2010, pp. 259–263.
6. Kandelaki D. A. [Khatty. Localization. Identification. Chronology]. In: Makarenko Yu. G., ed. *Yakayevskie chteniya* [Yakaevskie readings]. Krasnodar, 2016, pp. 51–70.
7. Kandelaki D. A. [Neolithization of the Eastern Black Sea region: the problem of interpretation in the context of the general concept of "Neolithic" (a historian's view)]. In: Alekshin V. A., ed. *Aktualnaya arkheologiya 3. Novyye ekvivalentnyye arkheologicheskiye dannyye* [Actual archeology 3. New interpretations of archaeological data]. St. Petersburg, 2016, pp. 51–54.

8. Kandelaki D. A. [The emergence of ancient agriculture on the territory of Abkhazia: on the problem of early stages (a historian's view)]. In: Kryuchkov I. V., ed. *Obshchestvo i vlast na Kavkaze i razvitiy Vostoka: problemy razvitiya teorii v proshlom i nastoyashchem* [Society and power in the Caucasus and the Middle East: problems of the development of relationships in the past and present]. Stavropol, 2021, pp. 23–29.
9. Klimov G. A. [Abkhaz-Adyghe etymologies I (original fund)]. In: Trubachev O. N., ed. *Etimologiya: Materialy i issledovaniya po indoevropeyskim i drugim yazykam* [Etymology: Materials and research on Indo-European and other languages]. Moscow, 1967, pp. 296–306.
10. Klimov G. A. [Abkhaz-Adyghe etymologies II (borrowed fund)]. In: Trubachev O. N., ed. *Etimologiya: Materialy i issledovaniya po indoevropeyskim i drugim yazykam* [Etymology: Materials and research on Indo-European and other languages]. Moscow, 1968, pp. 289–295.
11. Kolobova K. A. [The Near East Epipaleolithic: Review of research concepts]. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2015, no. 3/2, pp. 106–109.
12. Kolpakov E. M. [Periodization and the concept of “Neolithic”]. In: *Rossiyskiy arkhologicheskii yezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook], 2014, no. 4, pp. 61–64.
13. Kornienko T. V. [Issues of physical geography, periodization and chronology in the study of the primary foci of the “Neolithic revolution” in the central part of the Fertile Crescent]. In: *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 2021, no. 4, pp. 5–16.
14. Kushnareva K. Kh., Rysin M. B. [On the problem of the Neolithization of the Caucasus and Western Asia]. In: Timofeev V. I., Zaitsev G. I., eds. *Problemy khronologii i etnokulturnykh vzaimodeystviy v neolite Yevrazii* [Problems of chronology and ethnocultural interactions in the Neolithic of Eurasia]. St. Petersburg, 2004, pp. 14–37.
15. Leonova E. V. [Once again about the Neolithic of the North Caucasus]. In: *Rossiyskaya arkhologiya* [Russian Archeology], 2019, no. 4, pp. 43–53.
16. Manko V., Chkhatarashvili G. [Migration processes and issues of cultural interaction in Transcaucasia in the XII^{VI} millennia B.C.]. In: *Vestnik Armyanovedeniya* [Bulletin of Armenian Studies], 2021, no. 1, pp. 157–176.
17. Manko V. O., Chkhatarashvili G. L. [At the fringe of two worlds: Eastern and Western impulses in the process of Neolithization in Eastern Europe]. In: Dergacheva L. V., ed. *Prochneye medi* [More lasting than Bronze]. Chisinau, 2023, pp. 101–118.
18. Meshveliani T. K. [On Neolithic Origins in Western Georgia]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archeology, ethnology & anthropology of Eurasia], 2013, no. 2, pp. 61–72.
19. Militarev A. Yu., Shnirelman V. A. [On the problem of localization of the most ancient Afro-Asians (an experience of linguo-archaeological reconstruction)]. In: Vardul I. F., ed. *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka: tezisy i doklady konf. CH. 5* [Linguistic reconstruction and the most ancient history of the East: theses and reports of the conf. Part 5]. Moscow, 1984, pp. 35–53.
20. Nebieridze L. D. [Neolithic of the Southwestern Caucasus]. In: *Arkheologiya Kavkaza* [Archeology of the Caucasus], 2009–2010, no. 2–3, pp. 19–38.
21. Oshibkina S. V. [The concept of the Neolithic]. In: Oshibkina S. V., ed. *Neolit Severnoy Yevrazii* [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow, 1996, pp. 6–9.
22. Starostin S. N. [Cultural Lexicon in the Common North Caucasian Vocabulary Fund]. In: Starostin S. N. [Works on Linguistics]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. Pp. 289–311.
23. Trifonov V. A. [Did the Neolithic Exist in the Northwest Caucasus?]. In: Trifonov V. A., ed. *Adaptatsiya kultury paleolita-eneolita k izmeneniyam prirodnoy sredy Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Adaptation of Paleolithic-Eneolithic Cultures to Changes in the Natural Environment in the Northwest Caucasus]. St. Petersburg, 2009, pp. 84–93.
24. Chirikba V. A. [Basque and North Caucasian Languages]. In: Piotrovsky B. B. ed. *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. Moscow, 1985, pp. 95–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канделаки Давид Автандилович – научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. И. Гулия Академии наук Абхазии; главный хранитель Пицундского историко-археологического музея;
e-mail: david_kandelaki@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

David A. Kandelaki – Researcher, Department of Ancient and Medieval History, Abkhazian Institute of Humanitarian Research named after D. I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia; Chief Curator, Pitsund Historical and Archaeological Museum;
e-mail: david_kandelaki@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Канделаки Д. А. О ранних этапах становления земледелия и скотоводства на территории Абхазии и их значении в этногенетических исследованиях // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 27–38.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38

FOR CITATION

Kandelaki D. A. On the early stages of agriculture and cattle breeding formation in the territory of Abkhazia and their significance in ethnogenetic research. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 5, Circumpontica, iss. VI, pp. 27–38.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-27-38

(LXVIII)

(),

. 68 -

110 -

- 26

2024

.23

ponto-caucasica.org¹

I-II.

60-50

¹

E-mail.: david_kandelaki@mail.ru

«PONT0-CAUCASICA». .: +79407704072

,

.

,

.

,

II

III,

-

.

.

,

.

,

,

.

40-35

. . .

,

.

,

-

-

-

-

.

-

.

,

-

.

t .

.

,

.

.

,

.

.

,

,

.

.

27

.

10

9 . 8

II

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)
Пермский национальный исследовательский политехнический университет (г. Пермь)
Белорусский государственный университет (г. Минск)
Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа
Академии Наук Абхазии (г. Сухум)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ 2024

10 июля 2024 г.

Сборник материалов и докладов

Текстовое электронное издание

Краснодар
2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)
Пермский национальный исследовательский политехнический университет (г. Пермь)
Белорусский государственный университет (г. Минск)
Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д. И. Гулиа
Академии Наук Абхазии (г. Сухум)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ 2024

10 июля 2024 г.

Сборник материалов и докладов

Текстовое электронное издание

**Краснодар
2024**

Канделаки Давид Автандилович
научный сотрудник Отдела древней и средневековой истории Абхазского института
гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии Наук Абхазии
г. Сухум
главный хранитель Пицундского историко-археологического музея
г. Пицунда
директор Научно-исследовательского центра «PONTO-CAUCASICA» и Школы подготовки
экскурсоводов
г. Гагра, Республика Абхазия

ГАГРСКАЯ КРЕПОСТЬ АБААТА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ.

***Аннотация.** В статье дается краткий обзор истории становления комплекса крепости Абаата, расположенного в черте города Гагра. Исключительный интерес к такому эталонному памятнику истории, архитектуры и культуры связан с тем, что именно в районе Гагрской крепости Абаата и ее ближайших окрестностях разворачивались самые ранние этапы истории города. Именно здесь находятся истоки зарождения городского образа жизни, городской культуры и его будущего градостроительного и топографического портрета. Самые ранние этапы истории города также не могут быть рассмотрены и вне истории природного, геологического и ландшафтного окружения которые наложили большой отпечаток на историко-географический облик как самой крепости Абаата и ее окрестностей а впоследствии и городского пейзажа самого города Гагра.*

***Ключевые слова:** Гагра, крепость Абаата, «Гагрский карниз», Репруа, Жоэква, Триглит, Картеро-тейхос, Нитика, Стеннитика, Великий Питиунт. Абаата-ашта, храм Абаата, Гакыра, Гагрити, Цихерва, Тикари, Ипатий Гагрский*

Одним из значительных памятников культурного наследия Абхазии, да и всего Восточного Причерноморья является крепость Абаата, представляющая собою комплекс разнородных по архитектуре, функциональному назначению и хронологии сооружений. [1, 2, 6.] Крепость / комплекс Абаата расположился в интересной и сложной в ландшафтном отношении зоне. С одной стороны к нему примыкает ущелье реки Жоэква. В древности в ходе активной гидроаккумулятивной деятельности река Жоэква нанесла прибрежную приустьевую косу на которой собственно и была впоследствии построена крепость. За рекой в сторону запада нависают склоны хребта Жовеху с которого собственно и начинается протянувшийся до реки Хашпсы на расстоянии 15 км.

«Гагрский карниз». Рядом протянулся еще один отрог Гагрского хребта именуемый хребет Люковюха. У самой крепости от этого хребта нависает так называемая «Крепостная», «Сигнальная» или «Медовая» гора. Для окрестностей крепости Абаата характерны многочисленные вклюдзы и субмаринные источники. Такой источник известен примерно в 2-х км. от крепости в районе старого абхазского села Чигрипш под названием Репруа. Такой же вклюдз до недавнего времени функционировал прямо у кромки морского берега из под «Медовой» горы позже известный как «Глазной» источник. Такой же карстовый источник располагался и в черте самой крепости Абаата. У устья реки Жоэкваара располагались самые узкие участки побережья а за рекой они резко обрывались уступая место массивам «Гагрского краниза». [1, 2, 9, 17]

Сложно что-либо сказать о хронологии начала функционирования крепости Абаата. На ее древность указывает абхазская легендарная традиция, что со всей очевидностью вытекает и из самого названия крепости Абаата, означающая по абхазски «укрепленная местность», «место, где стоит крепость» или «крепость на болоте». Топоним «Абаата» повсеместно встречается в ближайших окрестностях крепости. Так рядом с крепостью на месте бывшей в советское время как площади им. Ю. Гагарина, располагалась «площадь Абаата-Ашта», место народных сходов, молений и спортивных игр и состязаний. Сама местность от реки Жоэкваары примерно до того места где располагается современная «Колоннада» издревле именовалась Абаата. [1, 2, 3, 6, 12, 23] По данным археологии время начала строительства крепости пока не установлено окончательно. Известно точно одно, уже в конце эпохи поздней бронзы и начала периода раннего железа на месте будущей крепости и в ближайших окрестностях уже функционировали поселения. Автором этих строк были обнаружены многочисленные фрагменты текстильной керамики, что свидетельствует о функционировании здесь поселения с «текстильной керамикой», что связано и функционированием здесь известной уже с античности древней «Меотидо-Колхидской дороги». [4]

Другая легендарная традиция – связанная уже с античным периодом, приписывает основание на территории Гагр у крепости Абаата греками-милетцами поселения «Триглита»/«Триглифа». Не исключено что и полулегендарный Триглит (Триглиф) мог возникнуть вблизи более раннего до греческого поселения, то есть поселения Абаата и его существование не исключено в междуречье Жозквары и Гагрипша. [22]

В I в. до н. э. территория Абаата очевидно могла находиться в сфере влияния Понтийской державы Митридата. До не давнего времени в литературе XIX нач. XX вв., находящуюся вблизи от крепости в ущелье реки Жозквары «Сторожевую Башню» называли «Митридатовой Башней», иногда и саму крепость Абаата именовали «крепость Митридата». Часто в литературе подобные утверждения считают плодом ошибки, однако не исключено и то, что в этих утверждениях мы видим отсылку на реально имевшую место строительную деятельность Митридата. [11, 12, 16, 23] В период поздней античности к началу II вв. н. э. Рим приступает к организации системы оборонительных рубежей известных как «Понтийский лимес», как составной части общекавказской системы обороны римской империи. Именно с приходом римлян уже существуют и достоверные письменные источники, а так же материальные свидетельства, указывающие о существовании здесь в пределах Гагра укрепления. Об этом мы получаем сведения во II в. н. э. (134 г. н. э.) от легата Каппадокии Флавий Арриан из составленного им «Перипла Понта Эвксинского». Флавий Арриан впервые упоминает здесь обитавшие в окрестностях крепости славные племена абазгов и санигов. Возможно, крепость Абаата входила в границы княжества абазгов, либо санигов (очевидно «седохезов» или поздних садзов). Гагра стала важным опорным пунктом римского владычества, где римляне на месте более старой крепости отстроили крепость – кастеллу «Нитику»/«Стеннитику», известную также по Птолемею в греческой форме «Картерон - тейхос» («непроходимая стена»). [1, 2, 3, 4, 11, 15, 16, 20, 21, 22, 23]

Доказательством существования здесь на месте нынешней крепости Абаата римской крепости – кастеллы «Нитики»/«Стеннитики» свидетельствуют и данные археологии. Обмер и анализ кладки стены и ряда других фортификационных элементов крепостной стены Абаата позволили установить, что в наиболее древней ее восточной части сохранились остатки римской стены с характерной кладкой «opus quadratum» датируемые II - IV вв. н. э. Об этом свидетельствуют и общие параметры крепости, такие как прямоугольная планировка, наличие так называемых U-образных бастионов. В восточной стене до сих пор просматриваются остатки ворот, возможно относящиеся к периоду строительства римской крепости – кастеллы Нитики, по мнению специалистов, кладка которой перекликается с кладкой ворот крепости Апсар. Такие же ворота просматриваются на этой же восточной стороне чуть южнее. Подобные ворота отмечены и у юго-западного бастиона крепости Абаата, где некогда в советское время располагался летний кинотеатр, а в период функционирования Гагрской климатической станции располагалось трамвайное депо. Интерес в этой связи представляет и наиболее древний из сохранившихся от римского времени фортификационный элемент северо-восточного бастиона как раз таки в котором сейчас располагается ресторан Абаата. За современной трассой на противоположной от бастиона стороне были найдены остатки крепостной стены, это говорит о том, что восточная стена наглухо перекрывало проход на месте древней дороги, а там, где проходит дорога, стояли древние ворота. Другим важным элементом следует считать так называемые двойные стены крепости. Так недавние раскопки обнаружили древний ров со стороны восточной стены, который внутри был облицован камнем (протейхизма). Возможно этот ров и протейхизма остаток еще старой римской двойной стены и коридора между стен. Северо-восточный бастион, по-видимому, был больше, и остатки квадратного сооружения скрываются под дорогой ведущей от трассы к пристани и проложенной между крепостью и приморским парком. Подобная двойная стена является характерным элементом римской фортификации. В 2007 г. специалистами Управления охраны историко-культурного наследия Республики

Абхазия и Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии в составе Бжания В. В. (начальник), Бжания Д. С., Хондзия З. Г., Сакания С. М., Агумаа А. С. и Канделаки Д. А., были проведены предварительные исследования крепости. В частности целью этих исследований было проверить подлинность информации из литературных и письменных источников. Для этих целей были произведены повторные научные обмеры и раскопки вдоль восточной стены крепости Абаата. Результаты исследований реальность существования древних римских ворот и двойной стены. Учитывая все это Гагрская крепость Абаата известная в римскую эпоху как крепость – кастелла «Нитика»/«Стеннитика» несла две функции как крепость, защищавшая прилегающие окрестные сухопутные магистрали и опорная морская база для каботажной навигации между римскими крепостями. Там где до недавнего времени еще в советское время вдоль танцевальной площадки проходила асфальтированная тропинка, соединяющая «приморский» и «комсомольский» парки фактически и находился берег. Южная римская стена была фактически у кромки берега, о чем свидетельствуют и то, что до недавнего прошлого еще в XIX-нач. XX вв. юго-восточная башня крепости целиком стояла на скальном массиве, выдававшемся в море, а морские волны били о скалы и стены крепости. Известно и то, какие легионы располагались на территории крепости-кастеллы «Нитика», об этом мы узнаем из письменных источников и раскопок в соседней Пицунде. Здесь были расквартированы подразделения двух римских легионов, в частности «Апполинарис XV» (Апполонов легион) и «Фульмината XII» (Громоносный легион). Римские гарнизоны просуществовали в крепостях Абхазии до второй половины IV в., а позже с общим кризисом империи крепости Восточного Причерноморья были оставлены.

В VI веке Гагрская крепость Абаата становится уже византийской крепостью. Во время зенита своего могущества именно отсюда наряду с другими крепостями Абхазии осуществлялся контроль за жизненно важными для империи «западнокавказскими ответвлениями великого шелкового пути». Византийская экспансия в нашем регионе протекала на фоне известной Ирано-

Византийской Колхидской войны и антивизантийскими восстаниями местных древнеабхазских племен абазгов, апсиллов и миссимиянов в VI в. После окончания войны, в которой Византия выходит победителем, за нею прочно закрепляется все Восточное Причерноморье, включая район Гагр с крепостью Абаата входит в орбиту византийского христианского мира. Здесь огромное значение придавалось христианской религии, семена которой по христианской традиции были заложены еще первоапостолами Иисуса Христа Андреем Первозванным и Симоном Кананитом. Более того распространителями христианства были и сами римские легионеры которые высылались Римом в самые отдаленные уголки империи, в том числе и в Нитику. Уже в период начала византийского владычества в крепости Абаата строится храм – ранневизантийская, раннехристианская базилика VI в. храм Абаата. Это уникальный памятник храмовой раннехристианской архитектуры, один из самых ранних памятников христианства Абхазии и всего Восточного Причерноморья. Христианская традиция связывает этот храм с деятельностью Ипатия Гагрского, по происхождению абхаза из рода Званба, который вел аскетический отшельнический образ жизни в окрестностях города. До сих пор существует предание о пещере, которая называется «Апап – Иханы», в которой он когда-то жил. Она расположена в ущелье реки Цихерва недалеко от ГСШ №2 (в прошлом «Реального училища» 1906 г.). Храм Абаата, был построен, по-видимому, на месте древнего дохристианского культового центра Аббата-ныха. Храм Абаата за историческое время подвергался ряду изменений. Существовали и подземные проходы, очевидная вероятность существования подземных ходов. Несомненно, и то, что внутри помещения храма Абаата могут находиться захоронения священнослужителей и наличие погребений вокруг храма, то есть могильника. Одно такое погребение было случайно обнаружено во время земляных работ недалеко от храма в северо-западном бастионе крепости, в декабре месяце 2007 года. Тогда было найдено погребение мальчика 6-8 лет в каменном склепе датированное примерно VIII веком. Каменный склеп сейчас установлен у входа в здание музея, который возобновил свою деятельность еще в 2007 г. и

расположенного рядом с храмом. Все кресты, вырезанные в камне, являются поздней имитацией нач. XX в., за исключением единственного креста вделанного в свод, он оригинальный VI в. Весьма необычное его расположение может свидетельствовать о том, что этот крест был взят из более раннего храма, который существовал в черте крепости и был приделан во вновь отстроенный храм VI века. В целом храм пережил на протяжении всей своей истории ряд перестроек и реставраций. Большинство специалистов относят этот памятник к VI в. н. э., и считают раннехристианской базиликой византийского стиля архитектуры. Последней датировки придерживается и автор данной работы. [1, 2, 6, 7, 8, 10, 12, 13, 15, 16, 20, 23]

История крепости Абаата и ее окрестностей периода средневековья, к сожалению, мало освещены письменными источниками. Однако, несомненно, в период формирования и зенита существования Абхазского царства крепость была важным стратегическим опорным пунктом. Кладка стены VIII-X вв. соответствующая времени Абхазского царства, свидетельствует о постоянном контроле и использовании последней в стратегических целях. По-видимому, Гагрская крепость Абаата оставалась значительным опорным пунктом и крупным торгово-экономическим центром северо-западной части Абхазии. После обособления самостоятельного Абхазского княжества в кон. XIII в. побережье Гагр и крепости оказывается в центре экономических и финансовых интересов итальянских торговых городов-республик Генуи и Венеции. Первыми в Гагру проникают венецианцы, которые именуют эту крепость Контози/Контези (порт, пристань, гавань), а с конца XIII века в крепости Абаата основывается торговая фактория генуэзцев, которые вытесняют отсюда венецианцев. Гагра все чаще начинает фигурировать во многих солидных картах Европы так называемых «портуланах» под названием Какур или Тикари. Итальянцы генуэзцы обосновались в юго-восточной некогда римской башне крепости, по другим источникам, они пристроили круглую башню на месте старой римской. До недавнего времени эту башню нередко именовали «генуэзской башней».

Последняя просуществовала до нач. XX века. До сих пор фрагмент этой башни можно увидеть в самом конце восточной стены ближе к морю. [20, 21, 23]

Во второй половине XV века в Восточном Причерноморье появляются турки-османы, которые вытесняют генуэзцев и на протяжении нескольких столетий ведут борьбу с абхазами за овладение этой территорией. Так турки пытаются закрепиться в Джигетии, то есть в Садзене (Северо-западная Абхазия). С этого времени с XVI в. турки именуют крепость «Баладах» или «Баладаг» («высокая гора» или «медовая гора»). Известно только то, что в целом этот период в истории Абхазии насыщен событиями постоянных войн абхазов против турок и с соседним мегрельским княжеством, вошедших в историю как «тридцатилетние («столетние») абхазо-мегрельские войны». В связи с этим интересно сохранившееся сообщение XIV века о том, как Вамек Дадзани, совершил опустошительный поход в Абхазию и разрушил крепость «Гагари» то есть Гагры. Форма «Гагари» это, наверное, первое упоминание в грузинских письменных источниках абхазской формы «Гагра». Известен, так же, к примеру, поход западногрузинской коалиции в составе Мегрельского княжества, Гурии и Имеретинского царства в 1533 году в Джигетию, то есть Садзен, в Цандрипшском сражении абхазы нанесли сокрушительное поражение этой коалиции. Несомненно, армия этой коалиции проходила и район крепости Абаата. В 1641 году здесь побывал знаменитый турецкий путешественник Эвли Челеби, который именуется крепость Абаата и близлежащую местность «Какур», а в районе Новых Гагр, называет старое поселение «Хокари», «Хаке», скорее «Хакерипш», то есть «Гагрипш». Он именуется окрестных жителей Гагр «горными чандами», (очевидно искаженная форма названия рода Цанба). Во второй половине XVII века район Гагр и крепость Абаата, посетил известный французский путешественник Шарден, крупный владелец французской ювелирной промышленности и именуя ее «Баладаг» или «Халадаг». [1, 2, 3, 9, 21, 23]

Уже в нач. XIX в. Абхазия находится под пристальным интересом Российской империи которая активно продвигается на Черноморское побережье

Кавказа. Завоевание Абхазии Российской империей продолжалось с переменным успехом на протяжении почти всего XIX века. Несмотря на официальное вхождение Абхазии в состав России на протяжении 20 лет крепость и Гагры были вне ее сферы и не подчинялись царскому правительству. В 1830 году военно-морские силы России начинают осуществлять крупномасштабную высадку морских десантов, в том числе и в Гагра, которая была занята 8 июля 1830 г. Русское командование Гагрского гарнизона коренным образом реконструировала крепость. По ее углам, за исключением восточной части, пристроили бастионы; крепостную стену в западной части сложили почти заново, сделав в ней бойницы для пушек и ружей, южная стена была сдвинута параллельно береговой линии, коренным образом перестроили старые римские ворота, а храм был превращен в склад оружия и пороховой погреб. Та стена, что просматривается под танцевальной площадкой это остатки сдвинутой русскими южной стены, римская же стена, по-видимому, утоплена под слоями асфальта или же находятся еще дальше за асфальтированной дорожкой. В 1839 году Гагрская крепость Абаата вошла в «ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ».

Все чаще здесь в Гаграх появляются путешественники. В 1833 г. район крепости посетил известный французский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере., сравнивший район крепости с Фермопильским проходом в Греции. Он первым осмотрел и дал научное описание храму Абаата. В середине 30 гг. XIX века крепость посетил известный русский ученый Александр Давидович Нордман. В это же время крепость Абаата посещает академик Н. Г. Чернецов, который оставил нам зарисовки и картину крепости, а так же С. Ф Сафронов на корвете «Ифигения». В 1837 г. район Гагр и крепость посетил Николай I, который остался недовольным делами крепости. В 1854 г. в период Крымской войны русские оставляют причерноморские крепости, включая и Гагра, а западную, южную и северную стены взрывают. Уже после окончания Крымской войны русские вновь занимают крепость Абаата. Заново отстраивают стены и возводят бастионы. [23]

Крепость Абаата и Гагра в целом все чаще появляется на российских картах, где все чаще мы видим обозначенный топоним «Гагра» / «Гагры». Так или иначе, обозначенная русская форма Гагры или Гагра является производными от вклада местного абхазского топонима Гагра. Схожие и близкие топонимы встречаются в черте современной Гагра, к примеру, Гагрипш, который восходит к древнему теониму Хагрыпш (святилище рода Хагба). Сюда же примыкает ороним «Ах-Аг». По мнению ряда специалистов, само название Гагра происходит от это название «Гакра» или «Гакыра» (место, где запирается берег) что и соответствует собственно ландшафту в окрестностях крепости Абаата. Более того жившие в районе Гагра садзы-абхазы имели древнее святилище Гагра-инхуу («Гагринская доля божество» или «Доля духа Гагра»). Это святилище расположено на одном из холмов Гагрского нагорья, абхазы издревле всю эту предгорную часть именовали «Иагахы». (буквально холмы гениохов). По преданию здесь же на берегу Гагрской бухты пребывало «божество Ага» наводящее ужас на мореходов. Вся прибрежная полоса в черте города Гагра именовалась «Ага-ику».

В 60 гг. Гагра принимает более привлекательный вид. За стенами крепости был раскинут большой сад фруктовых деревьев, и была разбита красивая тополия аллея, а по склонам разрослись оливки. Несколько тополей, которые сегодня высятся в черте крепости, были посажены еще в нач. XIX века. С конца октября 1869 года даже совершается еженедельный рейс небольшого коммерческого парохода «Звездочка» а два раза в месяц ходили пароходы «Эльбрус» и «Псезуапсе». [23]

В период очередной Русско-турецкой войны 77 – 78 гг., крепость была занята турками, которые разорили множество сооружений, индо-британский телеграфа и южную стену крепости, остатки которой хорошо просматривались еще до 1934 года. Сейчас она просматривается под полом танцевальной площадки расположенной в черте бывшего советского пансионата Жюэжвары, и практически не сохранилась. 28 июня 1877 отряд полковника Шелковникова, освобождают Абхазию в то числе и Гагра с крепостью. Впоследствии, когда

угроза турков окончательно сошла гарнизон, покинул крепость. Потеряв свое стратегическое значение, она долго пустовала, вплоть до начала XX века.

Примерно сразу после окончания вышеуказанных событий в кон 80 гг. район Гагр постелила Карла Серена, от французского журнала географического общества Парижа «Le Tour du Monde» (Всемирный путешественник). За это путешествие она получила награду в 1882 году. Гагра был последним пунктом ее путешествия. Она рассказывала о крепости, о каких-то полуразрушенных многочисленных постройках в крепости уже не сохранившихся. В конце XIX века в 90 гг. на Гагрские земли стал претендовать Ново-афонский монастырь, желавший расширить свои владения, но у него неожиданно появился сильный конкурент – принц А.П. Ольденбургского, заинтересованный в организации курортов в России. [23] Но это уже новая страница истории крепости Абаата, которая получит освещение в будущих публикациях.

Список литературы

1. Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
2. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978.
3. Инал-ипа Ш. Д. Садзы. Сухум, 2014.
4. Канделаки Д. А. Уникальная находка в крепости “Абаата”. // Газета Гагрский Вестник. 4 декабря 2006 г. 26. (201).
5. Канделаки Д. А. Находка в крепости “Абаата”. // Газета Гагрский Вестник. 25 декабря. 2007. 49-50. (249-250).
6. Канделаки Д. А. Гагрская крепость Абаата. Лавровский сборник. СПб., 2015.
7. Канделаки Д. А. Костные останки человека из погребения в крепости "АБААТА". Историко-археологический альманах. 2013. №12.
8. Канделаки Д. А. Костные останки человека из погребения VI века н. э. в г. Гагра. Вестник Академии Наук Абхазии. Сухум, 2016., в. 6.
9. Канделаки Д. А. Гагра или Гагры? // Газета Гагрский Вестник №37-38 (732-733) 15 декабря 2017 г.
10. Канделаки Д. А. Памятники историко-культурного наследия Гагрского района: типология; классификация; хронология. Сборник научных статей Всероссийской научной конференции. Сочи, 2018.

11. Канделаки Д. А., Хондзия З. Г. Анализ историко-археологической ситуации на месте проведения работ по водоснабжению города Гагра. *Абхазоведение*, 2018., вып. 11.
12. Канделаки Д. А. Памятники и объекты историко-культурного наследия Гагрского района. // Газета Гагрский Вестник, №31 (760)., 12 сентября, 2018 г.
13. Канделаки Д. А. Храм Абаата. // Газета Гагрский Вестник. №8 - 9, 12 - 13. 2020 г.
14. Канделаки Д. А. Гагра - истоки формирования городского ландшафта. // Газета Гагрский Вестник. №18., 19., 2020 г.
15. Канделаки Д. А. Гагрский район. // Гагрский район. Инвестиционный паспорт. Гагра, 2021. С. 1 – 9.
16. Канделаки Д. А. Гагра: страницы истории. // Газета Гагрский Вестник. №№ 37-42.
17. Канделаки Д. А. Город Гагра - общая физико-географическая, историко-градостроительная и историко-культурная характеристика. Доклады Сочинского отделения Русского географического общества. Выпуск 6. Подготовлен к 65-летию Отделения 1957-2022 гг. - Сочи: Русское географическое общество. Сочинское отделение, 2022.
18. Канделаки Д. А. «Гагрская климатическая станция» принца А.П. Ольденбургского – первый курорт Черноморского побережья Кавказа. VII Ольденбургские чтения. Воронеж, 2023. С. 31 - 41.
19. Канделаки Д. А. Гагрский район Республики Абхазия: Общая физико-географическая характеристика. Краткий обзор. Комплексное изучение экосистем горных территорий / Сборник материалов VI Кавказского Международного экологического форума (Грозный, 20 – 21 октября 2023 г.). – Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2023. С. 182 - 189.
20. Канделаки Д. А. Гагрский район Республики Абхазия: Часть 2. Период античности и средневековья. Краткий обзор. // Наука как ключевой фактор развития современного общества: Материалы I Международной научно-практической конференции. Сборник материалов и докладов. Текстовое электронное издание. Краснодар, 2024. С. 247 – 263.
21. Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (историко-этимологические исследования). Сухум, 2006.
22. Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес». // ВДИ., 1969. №2. С.
23. Пачулиа В. П. Гагра. Очерки истории города и курорта. Сухуми, 1979.

КАНДЕЛАКИ Д. А. ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК АБХАЗИИ: ИСТОРИЯ АДАПТАЦИИ К ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ. // Международная конференция «Научное обеспечение устойчивого развития Черноморского региона». 2 – 4 октября. г. Сочи, 2024 г.

Отдел Древней и Средневековой Истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии Наук Абхазии. (Сухум, Республика Абхазия). Государственный историко-архитектурный заповедник «Великий Птиунт», Пицундский археологический музей. (Пицунда, Республика Абхазия).

david_kandelaki@mail.ru

Абхазия в период позднего неоплейстоцена и заселение ее территории Homo sapiens.

Поздний неоплейстоцен для территории Абхазии имеет очень важное значение, т. к. этот период знаменует собою время проникновения сюда Homo sapiens, с которым связывают начало нового периода – верхнего палеолита. Однако определение точной хронологии этого процесса препятствуют сколько-либо представительные палеоантропологические находки Homo sapiens, а также не столь большой массив радиоуглеродных датировок. По этой причине данную условную границу мы определяем приблизительно временем, когда предшествующие мустьерские, то есть среднепалеолитические памятники сменяются индустриями верхнепалеолитического облика. И потому проблема начальных этапов появления Homo sapiens в Абхазии должна решаться в контексте решения проблем хронологии, определения исходных географических очагов проникновения Homo sapiens и природно-климатических условий в которых разворачивались эти процессы.

Процесс проникновения на территорию Абхазии Homo sapiens следует рассматривать в контексте феномена его выхода на историческую арену, получившее удачное название феномена «верхнепалеолитической

революции», причинами которого называют появление такого нового вида как *Homo sapiens*, прогресс орудийных технологий, усложнение социальной организации, окончательное формирование языков. Однако самыми главными признают демографическую, популяционную пластичность, когда с учетом природно-климатических колебаний, сохранялась популяционная стойкость *Homo sapiens*.

Наукой уже установлено, что основные события сапиентации разворачивались в областях Афразии, то есть областей, примыкавших к большому Индийскому побережью Африки и Азии. С выходом *Homo sapiens* на историческую арену, и его активной территориальной экспансии, происходило пресечение им же видового разнообразия предшествующих видов гоминид, с которыми он соприкасался в ходе своего продвижения. Древнейшие пути экспансии *Homo sapiens* были в основном направлены на восток и проходили на много южнее, ближе к тропическим областям. Тем самым территории севернее, например, Кавказ и собственно Восточное Причерноморье, находились в стороне от этого основного магистрального маршрута и появление *Homo sapiens* здесь на Кавказе явление сравнительно позднее что согласуется со сравнительно поздним появлением здесь и верхнепалеолитических индустрий. Несомненно, одно – путь по которому следовали первые «передовые отряды» *Homo sapiens* были проторены еще до них предшествующими эволюционными линиями, и известен как «Восточнопричерноморский» путь миграции древних гоминид. Исходя из того факта, что *Homo sapiens* в процессе первоначальной своей экспансии придерживались теплых тропических областей, можно допустить следующий сценарий проникновения этих гоминид на Кавказ, который должен был как-то коррелировать с процессами природно-климатическими. Очевидно, первая попытка проникновения *Homo sapiens* на Кавказ и непосредственно в Восточное Причерноморье осуществлялось к началу нового вюрмского межледникового на границе переходной от Вюрм I к Вюрм II. Однако такое

проникновение, в период около 60 – 50 тыс. л. н., если оно предположительно имело место, носило, лишь кратковременный и эпизодический характер, когда отдельные группы анатомически современного человека, отклонялись севернее от основного южного магистрального миграционного пути. Вероятным следствием такого раннего проникновения *Homo sapiens* на Кавказ и в Восточное Причерноморье становились нерегулярные контакты с популяциями неандертальцев. Кстати именно с такими ранними контактами большинство специалистов палеогенетиков связывают эпизод генетического обмена и вклада генома неандертальцев в современного человека. Однако в целом, такие контакты носили крайне редкий характер и не могли оказать существенного культурного, биологического и демографического давления на популяции неандертальцев. Здесь на Кавказе и в частности в Восточном Причерноморье сапиенсы оказывались в зоне горнолесных ландшафтов и более суровых климатических условиях и быстро покидал эти места, уходя обратно на юг. Разумеется, такие эпизодические проникновения не могли оставить следов материального присутствия сапиенсов у нас в Восточном Причерноморье. Изменения стали происходить несколько позже, когда в пик Вюрмского межледникового оптимума, Альпийско-Гималайский тектонический пояс, включая сюда и Кавказ, охватил мощный вулканизм (события «Фелигрейских полей»), сопровождавшийся вулканической зимой. Данное событие хорошо зафиксировано по материалам памятников не только Северо-Западного Кавказа, но и Кавказского Причерноморья, в частности в Ахштырской пещере. Данное геологическое событие вызвало экологический и популяционный кризис в неандертальских рефугиумах Кавказа. Именно с этим этапом следует связывать уже окончательного проникновения сапиенсов на Кавказ, что было, в том числе связано с общей тенденцией демографического роста популяций человека разумного. Наложение ряда оптимальных факторов как-то вулканизм, высвобождение экологических ниш, демографический рост популяций сапиенсов, тенденция увеличения

температур в вюрмском межледниковье создавший «климатический термический зазор», способствовали активному и относительно быстрому проникновению больших групп сапиенсов на север, позволивший осуществить их окончательную экспансию на Кавказ. С этой уже второй волной и следует связывать формирование верхнепалеолитических индустрий на Кавказе и в Восточном Причерноморье. В процессе проникновения новой и уже окончательной волны сапиенсов, ими происходит активное освоение Колхидской природной зоны. В тоже время предшествующие популяции неандертальцев либо вымирают, либо мигрируют, либо, что менее вероятно оттесняются или растворяются в численно превосходящих популяциях сапиенсов. Однако более правдоподобным и логичным выглядит сценарий, по которому сапиенс вступил в Восточное Причерноморье возможно уже на пустующие территории.

Интересно в этом отношении определение и исходных географических очагов, откуда шло проникновение сапиенсов в Восточное Причерноморье. До недавнего времени за такой очаг, как исходный импульс проникновения сапиенсов, традиционно принимали Загроский центр, а в свете новейших исследований уже области Восточного Средиземноморья. С точки зрения географии, возможно рассмотрение нескольких миграционных маршрутов проникновения сапиенсов в Восточное Причерноморье, которые однозначно пролегали из областей Восточной Анатолии и Северной Месопотамии. Так в Восточной Анатолии этот путь пролегал вдоль существовавших тогда в эпоху неоплейстоцена крупных центрально-анатолийских озерных водоемов и далее путь сапиенсов пролегал вдоль рек Палео-Кзыл-ирмак и Палео-Ешиль-Ирмак. Двигаясь вдоль этих речных систем, сапиенс проникал на южное Турецкое побережье Черного моря, где оказывался уже в зоне Колхидского области. Еще один путь проходил через Северную Месопотамию, где отдельные группы сапиенсов минуз межгорные прогибы

между Армянским нагорьем и Тавром проникали в бассейн реки Палео-Чорох и также напрямую проникал в Колхидскую низменность. Дальнейший путь мигрантов сапиенсов пролегал уже по южному, а затем восточному побережью Черного моря с дальнейшим освоением прибрежных долин и горных ущелий. Данная схема расселения сапиенсов находит подтверждение и по результатам палеогенетики. Генетические исследования сапиенсов из пещер Сацурблия (13 тыс. л. н.) и Котиас-Клде (8 тыс. л. н.) в Западной Грузии, показали хронологическую преемственность на протяжении не менее 10000 лет и генетическую связь с популяциями сапиенсов конца плейстоцена и начала голоцена Восточной Анатолии, Северной Месопотамии и Западного Ирана. Не следует так же забывать, что в силу природно-климатических факторов имели место определенные различия в ландшафтах того времени. В этот период, особенно в максимум последнего оледенения в силу имевшей место регрессии, Черное море переживало стадию замкнутого озерного режима «Каспийского типа» и береговая линия лежала на 100 - 150 м. ниже современного уровня, была отодвинута на 500 – 1500 метров глубже, а прибрежные равнины более обширными. В то же время древние русла многочисленных причерноморских палеорек врезали свои устья намного глубже и дальше своего нынешнего расположения. Район Колхидской низменности представлял собою зону богатых прибрежных и предгорных субтропических лесных массивов с большим ресурсным потенциалом. Не следует также забывать и о том, что известные на сегодняшний день памятники верхнего палеолита, не отражают в полной мере всей географии системы расселения и системы поселений в Восточном Причерноморье. Большинство поселений верхнепалеолитических сапиенсов располагались, несомненно, вне пещер и были более многочисленней. Это объясняется еще и тем, что в большинстве случаев ныне известные пещерные памятники, представляют собою охотничьи базы, лагеря, временные или сезонные стоянки мастерские, всякого рода перевалочные пункты и лишь за редким исключением стационарные поселения. Вероятно, часто обнаруживаемые так

называемые случайные подъемные материалы вне пещер и есть следы этих разрушенных, не сохранившихся в условиях влажных субтропиков поселений эпохи верхнего палеолита. В такой же степени высока вероятность, что при миграции вдоль побережья могла использоваться в качестве маршрута либо места под поселения та реликтовая береговая зона, которая также ныне скрыта толщами морской воды. Для интересующего нас региона, а так же соседних регионов нам известны несколько опорных дат, которые дают нам общее представление о хронологии процессов проникновения сюда в Восточное Причернорье *Homo sapiens*. Так, например, возраст самого раннего верхнего палеолита соседнего региона Северного Кавказа по данным из Мезмайской пещеры датируется 32 тыс. л. н., а самый ранний верхнепалеолитический слой пещеры Апианча в Абхазии так же имеет возраст 32 тыс. л. н. Памятники верхнего палеолита южнее в частности из Западной Грузии дают более ранние даты, среди которых пещера Ортвала-Клде датируемая от 44 до 37 тт. л. н. и которая считается самой ранней для верхнего палеолита Кавказа вообще. Данная картина распределения радиоуглеродных датировок, показывает, что более древние даты приходятся на памятники, расположенные на южной периферии Восточного Причерноморья. Этот факт легко объясняет направление миграций *Homo sapiens*, происходивших с юга. Подытоживая вышеизложенное можно следующее заключение. В период альпийского вулканизма, охватившего, в том числе и Кавказ уже с середины вюрмского межледниковья примерно в период 45-39 тыс. л. н. происходит высвобождение этих районов от неандертальских популяций, и заселению этих районов представителями человека анатомически современного вида. Уже в период второй и самой мощной фазы оледенения ВюрмII, которое началось примерно 25-30 тыс. л. н., происходит все более усиливающее похолодание, максимум которого падает на период 21 – 17 тыс. л. н., приведшее к схлопыванию и прерыванием географических связей и началом новой очередной рефугиумной фазы. Оставшиеся в Восточном Причерноморье сапиенсы

сумели освоить экологические ниши этой зоны, окончательно перестроив всю стратегию системы жизнеобеспечения, тем самым сохранив свои многочисленные популяции в фазе очередного ледникового убежища – позднеюрмского Колхидского рефугиума. В то время идет формирование новых культур традиций известных как Имеретинская.

Абхазия в период раннего голоцена и складывание производящей экономики на ее территории.

С завершением ледникового периода происходят кардинальные изменения в истории человечества. Геологически последовавшее за последним оледенением эпоха, традиционно именуется периодом голоцена, начало которого приходится на период 11 тыс. л. н. часто рассматривается как очередное межледниковье которое затем сменит новая ледниковая эпоха.

В свете последних исследований уже установлено, что деление на два исторических периода мезолит и неолит в рамках геологической эпохи голоцена, очень упрощенно и не отражает в полной мере реальной картины адаптации общества к изменениям окружающей среды. В свете накопленных научных данных можно представить следующий сценарий. В период начала пика позднеплейстоценового оледенения 20 тыс. л. н. известного как Вюрм II/III, общество аридных областей существовало в условиях все обостряющегося климатического и экологического кризиса системы жизнеобеспечения. Одной из попыток изменения всей системы стратегии жизнеобеспечения, стала модернизация орудий труда и оружия, известного как «микролитический эпизод» или эппалеолит. В период пребореала древние эппалеолитические общины охотников и собирателей горных областей Передней Азии осуществляют переход к интенсивному сезонному собирательству злаковых, а уже в конце бореала к domestikации растений и животных.

Таким образом, основные истоки тех изменений в адаптации человека к меняющимся условиям окружающей среды с последующей трансформацией всей системы жизнеобеспечения имели место уже на самых ранних этапах голоцена. Но затронули эти процессы впервые очередь общества в аридных областях Передней Азии, где давление среды спровоцировало переход к производящим формам экономики. Исходя из этого очевидно, что в раннем голоцене Западной Евразии, наметились две отдельные «линии» развития общества. Так, с одной стороны, для Западной и Восточной Европы, то есть в бывших перигляционных зонах, для которых было характерно относительно стабильное и высокоэффективное присваивающее хозяйство, можно говорить о мезолите или пережиточном палеолите. Для Переднеазиатских же областей следует говорить о другой линии развития, связанной с активной адаптацией, приведшей к неолиту. Важно отметить, что эти вышеизложенные процессы охватили не только Ближний Восток, но и Кавказ, включая сюда Восточное Причерноморье. Тем самым, исходя из вышеизложенного, можно в рамках некоего сценария предположить, что здесь в Восточном Причерноморье верхний палеолит сменяется эпизодом микролитизации или эпипалеолитом, а уже в атлантический период голоцена, можно говорить о сложении здесь подлинно неолитической эпохи, а мезолита как такового не было. Процесс зарождения производящей экономики начался в нашем регионе практически одновременно с Ближним Востоком, но протекал он в Восточном Причерноморье в условиях не столь мощного экологического кризиса как, например, в областях Ближнего Востока. Уже в VIII тыс. до н. э. неолит, как экономическая стадия, может считаться уже окончательно сложившейся в нашем регионе.

Ключ к пониманию хода развития общества у нас в Восточном Причерноморье, в эпоху драматических климатических перестановок раннего голоцена лежат в особенностях природной среды нашего региона. В период раннего голоцена, происходила фаза очередного выхода из состояния

«ледникового убежища», восстановления и окончательного формирования того естественного и природного комплекса, который в границах Черноморского побережья Кавказа, Западной Грузии и Черноморского побережья Турции известен как Колхидская естественноисторическая область. Главной природной чертой данной области является относительная стабильность природно-климатических комплексов на протяжении всего периода плейстоценовых оледенений. Разумеется, когда эта область переживала периоды ритмических рефугиумных фаз, здесь также ощущались глобальные климатические перестановки на протяжении всего плейстоцена, но проявлялись они здесь не так кардинально и жестко. В период холодного максимума здесь не происходило коренной и тотальной смены биотопов. Природные и растительные сообщества синхронно подчинялись ритмическим климатическим процессам и в период увеличения термического максимума в сочетании усиленного режима увлажнения быстро возвращались в исходные границы, примыкавшие к горно-приморским зонам Восточного Причерноморья. Данное обстоятельство важно еще и потому что имевшие место драматические климатические процессы на рубеже плейстоцена и голоцена никогда не доводили природные комплексы Колхидской области до такого «порогового» кризисного уровня, который бы способствовал острому кризису системы жизнеобеспечения. Вопреки некоторым противоположным утверждениям, в области Восточного Причерноморья не имели место климатический кризис, который бы привел к сбою систему жизнеобеспечения, ни тем более какого-либо демографического коллапса с последующим замещением населения. События, так называемого кризиса позднего дриаса и бореала в Восточном Причерноморье, не были столь жесткими и «раннеголоценовый стресс» практически не ощущался в этих зонах. Здесь в Восточном Причерноморье в период голоцена, конечно, имели место кризис охотничьей фауны, но был он лишь небольшой частью общепланетарного вымирания мегафауны на границе плейстоцена и голоцена, и не носили столь резкий характер. После

исчезновения пещерных медведей, южных баранов и других копытных человек стал активно акцентировать внимание на охоте на более мелких животных оленей, туров, коз и также возросло количество птицы в составе охотничьей фауны. Тем самым общество в Восточном Причерноморье с большей легкостью преодолело кризисы на границах плейстоцена и голоцена. С началом атлантического периода происходит дальнейшее повышение термического максимума, который в Восточном Причерноморье совпал с режимом увлажнения. Этот процесс привел, как указывалось выше к быстрому восстановлению флористических покровов Колхиды. В период раннего голоцена Черное море выходит из режима бессточного озера «Каспийского типа», вступив в режим сточного бассейна. Около 10 тыс. л. н. происходит усиление поступления речных стоков черноморского бассейна, который достигает своего максимума 8 тыс. л. н., что привело к активной трансгрессии вод Черного моря, известный как «Новоэвскинская трансгрессия», которая привела к формированию современного очертания побережья. Данная трансгрессия допускает нами вероятно имевшую место стабилизацию т. н. вековых «вертикальных миграций». Эта же трансгрессия привела к поглощению в связи с подъёмом уровня воды ранних плейстоценовых поселений, располагавшихся здесь в зоне древних реликтовых прибрежных долин. В этот период человек с еще большей эффективностью продолжает использовать богатые лесные массивы, успешно используя ресурсы ландшафтов гор, предгорий, побережья и многочисленных рек. О том, что в период раннего голоцена шло активное освоение населением удобных ландшафтных локаций, свидетельствуют памятники неолитической эпохи. Стержневой зоной в освоении территории были, разумеется, зоны предгорий, низинных холмов с перерезающими их многочисленными реками и удобными долинами, занимающие как бы относительно равную по расстояниям зону между собственно горами и побережьем. Такие поселения будь они расположены в глубине ущелий либо у побережья всегда тяготели к речным артериям. Главной особенностью

поселений эпохи голоцена является, конечно, оседлость населения, когда повышение эффективности использования ресурсов с учетом правила «ландшафтной емкости территории» позволяло с большей эффективностью использовать незначительные территориальные площади. Исследование географии памятников Абхазии эпохи голоцена и инвентарь этих памятников показывает, что таким важным элементом системы жизнеобеспечения, способствовавшим эффективному использованию «емкости ландшафта» на начальном этапе стало «водное собирательство», сезонное собирательство злаков и несколько позже земледелие. В период потепления здесь в Восточном Причерноморье шла активная интенсификация хозяйства, в том числе основанного на использовании водных ресурсов. В этом отношении хорошо прослеживается связь режима потепления и увлажнения с режимами использования в широком смысле высокопродуктивных ресурсов биомассы вод как внутренних, так и моря. Среди них следует назвать рыбоохоту, рыболовство и сбор моллюсков мидий, что хорошо зафиксировано наличием раковинных куч на побережье, а также отмечено наличием крупных костей рыбы форели и лосося. Мы рассматриваем эти виды хозяйственной деятельности и обозначаем их как «водное собирательство», «рыбоохота», «рыболовство», составляющие важную часть системы жизнеобеспечения населения Абхазии в раннем голоцене. Иногда применяют термин «забой рыбы». Для данного хозяйственного уклада характерен и типичный орудийный набор в частности наличие гарпунов для рыбной охоты. В этой связи нами неоднократно высказывалась точка зрения, что активизация использования богатых водных ресурсов допустимо рассматривать как возможно альтернативный аналог ближневосточному собирательству, если на Ближнем Востоке шла активная адаптация на фоне охотничьего кризиса, местное причерноморское общество преодолевало его усиленной интенсификацией рыболовства. В некотором смысле ресурсы ихтиофауны отчасти своей высокой продуктивностью на первоначальном этапе не стимулировали поиск новых альтернативных форм хозяйствования.

В период конца пребореала и начала бореала, когда альпийские зоны, окончательно высвобождаются от мощных покровных горных ледников, здесь идет восстановление ареалов произрастания травянистых растений, среди которых особое место стали занимать ряд эндемичных злаковых видов. В этот период местными обществами, аналогично своим ближневосточным соседям, стал осуществляться переход к систематическому сезонному собирательству злаков. Самая ранняя злаковая культура, которая стала использоваться человеком, оказалось просо. Следы проса были симптоматично отмечены в ряде раннеголоценовых памятников Абхазии и смежных районов. Таким образом, уже в раннем голоцене, в Абхазии закладываются основы новых производящих форм экономики. Об этом свидетельствуют наиболее эталонные памятники Абхазии, такие как грот Апианча и Холодный грот, которые рисуют нам картину перехода к производящим формам экономики происходящих синхронно с ближневосточными центрами неолитизации. Материалы эти датируются периодом X тыс. л. н. что соответствует периоду докерамического неолита ближневосточной схемы. В хронологических рамках 11-10 тыс. л. н. древнее население осуществляет постепенный переход к новым формам системы жизнеобеспечения, что выразилось в активном возрастании роли «водного собирательства», сезонного собирательства злаковых, а именно проса, а несколько позже ржи. Интересно то, что просо неизвестно первым неолитическим культурам Ближнего Востока, где этой культуры нет, зато она характерна для раннеземледельческих культур Европы. Очевидно, большое значение здесь имели и факторы природно-климатического характера, в силу которых для ближневосточными земледельцами, в условиях более сухого климата domestцированы пшеница и ячмень. В тоже время для их восточнопричерноморских соседей с учетом влажного климата региона такими domestцированными культурами стали просо и рожь, для которых более подходящими были климатические условия Колхиды. В этом

отношении важно еще также отметить, что Колхидское просо имеет существенные различия от восточно и юго-восточноазиатских просо.

На протяжении двух или трех тысяч лет местное общество переходило к активному использованию уже окультуренных растений проса и других злаков, а позже или в это же время перешли и к активному садоводству. Когда земледелие прочно вошло в производственную практику, в Восточном Причерноморье начались активные процессы domestikации животных в частности свиней, коз и овец. Хронологически, данный этап уже окончательного сложения производящего хозяйства происходит у нас в Абхазии уже в атлантический период, в конце IX в начале VIII тыс. до н. э. данный период для Ближнего Востока сопоставим с ранним керамическим неолитом. Важно в этой связи особо отметить, что истоки зарождения земледелия и скотоводства в Причерноморье не обязательно связаны именно с инвазией населения из передовых ближневосточных центров, как это не редко утверждается, а имел самостоятельный процесс развития. Однако ряд культурных новаций, конечно, не могли не проникать к нам в Причерноморье из передовых центров, но происходило это не за счет какой-то тотальной смены населения, а за счёт культурно-обменных инвазий и контактов. В частности, для этого периода отмечено интенсивное торгово-обменные связи, в том числе и по линии обсидиановой торговли, основа которой мы знаем, было заложено еще в верхнем палеолите.

Канделаки Д. А. Древнейшие и древние люди эпохи палеолита, и проблема заселения Абхазии человеком анатомически современного вида. // «Северокавказский хронотоп: древность и средневековье» [Электронное издание]: (Грозный, 2024). Всероссийская научная конференция с международным участием «Северокавказский хронотоп: древность и средневековье», 31 октября 2024. Грозный, 2024. С. 38 – 44.

н. с. Отдела древней и средневековой истории АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА (Республика Абхазия город Сухум);
главный хранитель Пицундского историко-археологического музея (Республика Абхазия, город Пицунда);
директор Научно-исследовательского центра «PONTO-CAUCASICA» (Республика Абхазия, город Гагра).

E-mail.: david_kandelaki@mail.ru

Территориально ближайшими к нам местами находок останков древнейших гоминид следует считать стоянку Дманиси (Грузия), которые относятся к периоду конца позднего плиоцена и раннего плейстоцена и датируемые возрастом 1,8 – 1,75 мл. л. н. Гоминиды из Дманиси древнейшие вне Африки находки гоминид, которые по своему эволюционному уровню относятся, вероятно, к архаичным переходным формам от *Homo habilis* к *Homo ergaster/erectus*. Другой древнейшей находкой ископаемых останков гоминид более позднего периода являются останки из стоянки Азых/Азох. Останки так называемого «Азыхантропа» датируются периодом до 450 тыс. л. н., и морфологически относятся к поздним формам гоминид *Homo erectus* или к гоминидам *Homo haidelbergensis*. Близки по хронологии и находки останков гоминид в пещере Кударо I, которые так же датируются среднеашельским этапом аналогично по хронологии с пещерой Азых/Азох, связанной с периодом миндаль-рисского межледниковья. Гоминид из Кударо I относится к эволюционной линии *Homo erectus* или ближе к гоминидам *Homo haidelbergensis*.

Следующая за нижним палеолитом мустьерская эпоха эволюционно не связана с предшествующим этапом. Предполагается, что имело место два этапа заселения гоминидами Кавказа, носителями мустьерских среднепалеолитических традиций, связываемых с видом *Homo neanderthalensis*. Мустьерская эпоха на Кавказе находится в хронологических рамках примерно от 250 тыс. л. н. до 35 тыс. л. н. Останки гоминид, относящиеся к неандертальскому виду, более широко представлены на Кавказе. Они известны из таких пещер как Сакажия, Джручула, Ортвала-Клде, Цхалцителли, Цуцхвати на Южном Кавказе и в Баракаевской пещере, в гроте Сатанай, Мезмайской пещере на Северном Кавказе. С учетом фрагментарности находок ископаемых гоминид неандертальского вида специалисты относятся многие из них как к формам классических

европейских неандертальцев, так и к эректоидно-неандертальским и неандерталско-сапиентным промежуточным формам.

Верхнепалеолитическая эпоха для Кавказа, которая хронологически падает на период не ранее 40 тыс. л. н., также представлена некоторым количеством фрагментированных останков ископаемых гоминид вида *Homo sapiens*, то есть людей анатомически современного вида. Самой пока загадочной остается находка сапиенса из реки Раздан в Армении, которая залегала в геологических слоях, относящихся даже к финальнонижнепалеолитическому времени. Находки столь древних следов пребывания сапиенсов в Евразии пока неизвестны. Среди других памятников, в которых обнаружены останки анатомически современного человека, следует назвать пещеру Девис-Хврели, пещеру Бонди, Ахштырскую пещеру, грот Сатанай, Баракаевскую пещеру, Подкумок.

Каково место Абхазии в системе этой географии палеоантропологических находок, пока ответить сложно. Как было нами указано выше, на территории самой Абхазии неизвестны сколько-либо значительные находки ископаемых гоминид, и потому судить о месте Абхазии в процессе эволюции и расселении древнейших и древних гоминид мы можем, опираясь лишь на общеисторические данные и данные археологии палеолита. Сегодня сложно судить о самом раннем этапе проникновения гоминид в Причерноморье Абхазии, хотя само географическое положение Абхазии по праву дает основание предполагать, что именно через ее территорию пролегал так называемый «Восточнопричерноморский путь» миграции гоминид. Имеющиеся памятники нижнего палеолита Абхазии, к сожалению, не стратифицированные и представляют собою отдельные местонахождения. Наиболее представительные из этих памятников считаются такие эталонные стоянки, как Яштух, стоянка Импруд, стоянки Карангатских террас. В литературе эти вышеперечисленные стоянки относятся к периоду нижнего палеолита (шель – ашель) и хронологически находятся в диапазоне 500 – 450 тыс. л. н. Недавние разведки в районе окрестностей Сухум выявили симптоматические следы более раннего периода возможно от 800 тыс. л. н. до 1 мл. л. н. С учетом обнаружения ранних памятников археологии, хронологически относящихся к позднему плиоцену и раннему плейстоцену, в частности, таких как Дманиси, Амиранис-гора в Грузии, Богатыри / Синяя Балка в Приазовье и памятников олдувайской индустрии в Дагестане, допускается существование еще не открытых памятников аналогичного хронологического диапазона и на территории Абхазии. Сложно пока что-либо сказать также и о том, какой морфологической природы и к каким эволюционным линиям относились гоминиды, оставившие нам в Абхазии памятники нижнего палеолита. Если исходить из общей эволюционной истории гоминид, то на начальном этапе некоторые нижнепалеолитические памятники были, несомненно, оставлены представителями поздних эректоидных форм, а на завершающем этапе нижнего палеолита ими могли быть представили эволюционной линии гейдельбергского человека.

Последующая мустьерская эпоха на территории Абхазии широко представлена подавляющим большинством пещерными памятниками. Пока точно не установлена абсолютная хронология этапов заселения мустьерцами территории Абхазии. Не исключено, что такой этап может совпадать с самым концом рисс-вюрмским межледниковьем или даже несколько позднее вюрмским межледниковьем. В Абхазии наиболее эталонным памятником эпохи мустье следует считать пещеру Мачагуа, которая, скорее всего, предваряет уже позднемустьерский этап существования так называемой «Хостинской» мустьерской культуры. Здесь был обнаружен зуб, предположительно относящийся к неандертальскому таксону.

Верхнепалеолитические памятники широко представлены в Абхазии, в которых в том числе встречаются останки сапиенса. В Абхазии они известны в пещере Куаб-Чара, Холодном гроте и пещере Окум I. Особый интерес в этой связи вызывают обнаружение останков сапиенсов из Холодного грота. Сохранность костных останков индивидуумов из этого грота дают нам и некоторые представления о расово-морфологической природе ранних сапиенсов из Абхазии, в которых отчетливо отмечены черты «протоавстралоидного» типа.

На современном уровне изучения палеолита Абхазии главной проблемой остается хронология и пути проникновения сапиенсов. При всем том, что верхний палеолит в Абхазии, как и в целом на Кавказе, явление сравнительно позднее, есть веские основания считать, что сапиенсы проникали в Абхазию и раннее. Хотя большинство памятников верхнего палеолита относятся к более позднему этапу (32 тыс. л. н. пещера Апианча, есть веские основания допустить наличие наиболее ранних следов проникновения сапиенсов в прибрежной зоне, вероятнее всего в большей своей части скрытые уже геологическими процессами. Не исключено в том числе и то, что ранние сапиенсы могли проникать к нам в Восточное Причерноморье еще и в период вюрмского межледниковья примерно 60 – 50 тыс. л. н., и следы такого проникновения либо не сохранились, либо скрываются в наличии здесь на Кавказе, в том числе и мустьерских индустрий, носителями которых были не только неандертальцы, но и, возможно, ранние сапиенсы. Проникновению сапиенсов способствовали богатые ресурсы Восточного Причерноморья. Вероятно, сапиенсов влекли территории Колхидской флористической провинции с ее богатыми растительными и животными пищевыми ресурсами.

Не следует также забывать, что возможной причиной и главным успехом в территориальной экспансии ранних сапиенсов были и отличные от неандертальцев и других гоминид пищевые стратегии. Более широкая палитра пищевых предпочтений способствовала более динамичному и оптимальному использованию новых экологических и ландшафтных ниш. Сапиенсов привлекали области Восточного Причерноморья, включая и территорию Абхазии, в том числе и за счет возможности использования ресурсов морского побережья.

Список литературы.

1. Васильев С. В. Антропология населения Кавказа эпохи палеолита. Древний Кавказ: ретроспекция культур. М., 2004.
2. Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008.
3. Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человечества. – М., 2004.
4. Кандаки Д.А. О первоначальном заселении Абхазии человеком современного вида. Труды Абхазского Государственного Музея. Сухум, 2018., вып. VII. С. 81 – 95.

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

Государственное научное учреждение
«Институт сельского хозяйства Академии наук Абхазии»

**НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
СУБТРОПИЧЕСКОГО РАСТЕНИЕВОДСТВА**

Материалы Международной научно-практической
конференции, посвященной 130-летию создания
Сухумской садовой сельскохозяйственной
станции и 30-летию образования ГНУ «Институт
сельского хозяйства Академии наук Абхазии»

13–15 ноября 2024 г.

Сухум – 2024

УДК 631.5/9(213) (063)+(479.224)
ББК 41/42.8

Рецензенты:

Егоров Е.А. – доктор экономических наук,
академик РАН, ФГБНУ «Северо-Кавказский федеральный
научный центр садоводства, виноградарства, виноделия»

Омаров М.Д. – доктор сельскохозяйственных наук,
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр
«Субтропический научный центр РАН»

- Н 34** Научное обеспечение устойчивого развития субтропического растениеводства: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию создания Сухумской садовой сельскохозяйственной станции и 30-летию образования ГНУ «Институт сельского хозяйства Академии наук Абхазии» / под ред. академика АНА Л.Я. Айба. – Сухум: ГНУ ИСХ АНА, 2024. – 337 с. : 31 илл.

В сборнике приведены оригинальные тексты докладов участников Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию создания Сухумской садовой сельскохозяйственной станции и 30-летию образования ГНУ «Институт сельского хозяйства Академии наук Абхазии».

Одобрено решением Ученого совета ГНУ «Институт сельского хозяйства Академии наук Абхазии», протокол № 4 от 19 сентября 2024 г.

© ГНУ «Институт сельского хозяйства
Академии наук Абхазии», 2024

© Оформление. ГНУ «Институт
сельского хозяйства Академии наук
Абхазии», 2024

© Коллектив авторов, 2024

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА НА ПРОБЛЕМЫ ЗАРОЖДЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АБХАЗИИ: ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Канделаки Д.А.

Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия
Пицундский археологический музей, Пицунда, Абхазия,
david_kandelaki@mail.ru

В статье рассматривается проблема первоначальных этапов зарождения земледелия на территории Абхазии. Автор делает вывод, что в Абхазии зарождение земледелия по времени шло синхронно с ближневосточными центрами. Уже в период неолита создателями ранних земледельческих культур Восточного Причерноморья были непосредственно предки народов современных носителей западнокавказских языков.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, Абхазия, неолит, земледелие, просо, западнокавказские языки северокавказские языки, абхазы, хатты.

Зарождение производящих форм экономики и, в частности, зарождение земледелия на территории Абхазии – актуальнейшая проблема современного абхазоведения. Как известно, становление земледельческого уклада экономики связывают с периодом неолитической революции, которая совершалась на Ближнем Востоке в Плодородном полумесяце. В связи с этим до сих пор остается нерешенным главный вопрос: осуществлялся ли переход к земледельческой экономике на территории Абхазии самостоятельно или становление земледелия есть результат инвазии неолитического земледельческого населения с передовых в культурном отношении южных Ближневосточных центров.

К сожалению, на сегодняшнем уровне наших знаний в Абхазии, как и в целом в Восточном Причерноморье, практически отсутствуют данные по находкам культурных растений, относящиеся к периоду зарождения неолитического

хозяйства. Данное обстоятельство объясняется несколькими причинами.

1. Отсутствие доместикации как таковой в силу особенностей природной среды.

2. Отсутствие должного методического уровня, когда изучение памятников неолита в XX в. находилось не на должном уровне, и эти находки попросту не были найдены.

3. Остатки доместицированных культурных растений не сохранились в условиях влажного субтропического климата, и их находки крайне редки.

4. Доместикация происходила в местах к югу от территории Восточного Причерноморья, и появление здесь земледелия следует связать с миграциями населения, которое принесло сюда традиции земледелия.

Автор в качестве вероятных причин с исторической точки зрения сложившуюся ситуацию объясняет отличными от Ближнего Востока моделями адаптации общества в Восточном Причерноморье. Среди них он выделяет:

1. Особые условия Западнокавказской естественно-исторической области, совпадающей с Колхидским природным рефугиумом.

2. Отсутствие кризиса переходного от плейстоцена к голоцену в Восточном Причерноморье в связи с сохранением относительно стабильного климата влажных субтропиков средиземноморского типа в отличие от Ближнего Востока, где шла активная аридизация, вызвавшая экологический и адаптационный кризис.

Исходя из этого «кризисное давление» спровоцировало переход к новым неолитическим формам хозяйствования, которое нам, собственно, и известно как неолитическая революция. На территории же Восточного Причерноморья такого «кризисного давления» не было либо ощущалось оно намного слабее. Здесь, в Восточном Причерноморье, на

фоне общей тенденции также осуществлялся переход к новым формам хозяйствования и шел процесс domestikации культурных растений, которые, очевидно, базировались на местных диких исходных видах злаков. Отсутствие же остатков domestikцированных растений в Абхазии следует, таким образом, объяснять климатическими особенностями влажных субтропиков, не способствовавшими их сохранности. Единственным источником информации, который может служить доказательством становления новых форм хозяйства, остается пока археологический инвентарь, который может свидетельствовать либо о наметившемся систематическом сезонном сборе диких злаков, либо уже об окончательном переходе к земледелию [2, 5, 6, 11].

Абхазия как часть Колхидской флористической провинции отличается большим уровнем видового разнообразия реликтовых и эндемичных растений, что дало возможность признания этой области как крупного очага эндемизма. Наличие богатейшей флоры в соотношении с природно-климатическими особенностями влажных субтропиков средиземноморского типа, несомненно, свидетельствует о наличии в пределах Восточного Причерноморья крупного генцентра ряда ягодных, плодовых и зерновых видов растений, которые могли бы послужить исходными дикими формами для последующей их domestikации. Среди них, возможно, груша и, конечно же, виноград, а среди зерновых – пшеница Маха и пшеница Тимофеева/Колхидская/Грузинская.

Интересно, что территория Абхазии может быть центром окультуривания и такой технической культуры, как лён, о чем свидетельствуют и исторические данные о высокой культуре льняного производства [7, 8]. Но особенный интерес представляет культура могоар, которую ошибочно именуют просо, являющаяся сестринским видом проса. В Восточном Причерноморье уже шла domestikация аналогич-

ного вида проса-могара. К сожалению, при обилии изученных археологических неолитических памятников Абхазии, известных как Кистрикская неолитическая археологическая культура, и других районов Восточного Причерноморья остатки культурных растений крайне редки. Все они ближе уже к завершающему этапу неолита или представлены для последующей энеолитической эпохи [3, 7, 10].

Изложенные выше пока не столь значительные данные, по нашему мнению, дают основание для сопоставления их с данными лингвистики, в частности, с возможностью реконструкции облика древней западнокавказской общности, ее культуры и вероятностью соотнесения культурной лексики этой общности с археологической культурой в Причерноморье или соседних областях интересующих нас периодов.

В этом отношении интересна так называемая прасеверокавказская реконструкция, так как именно языки этой семьи, в частности, ее западнокавказская ветвь ныне расположены в Восточном Причерноморье. Так, в праязыке северокавказской семьи представлена широкая палитра терминов культурной лексики, связанных с растениями, которые потенциально могли бы означать и будущие культурные злаки, например, просо. Здесь же лингвистами реконструированы определенные термины, связанные с хозяйственной практикой, несомненно, говорящие о земледельческом их характере, а также орудия труда, связанные, вероятно, не только с земледелием, но и с последующей переработкой продуктов земледелия [9]. Все эти данные находят точки сопоставления и с данными из исторической этнографии абхазов [1, 4].

С учетом того, что период существования общезападнокавказского праязыка связывают как минимум с периодом VI тыс. до н. э., эти общие лексические основы общеабхазо-адыгского характера унаследованы еще в период, когда после отделения хаттского как самого раннего дивергировавшего

звена абхазо-адыгские праязыки ещё оставались в качестве единого диалектного континуума. Время отделения хаттского мы определяем периодом конца VI–V тыс. до н. э., а период распада уже абхазо-адыгской общности происходит как минимум спустя тысячу лет, примерно в конце V–IV тыс. до н. э.

Заключение. Данные по реконструкции лексики западнокавказского праязыка, а также не столь пока значительный корпус данных археологии по наличию археологического инвентаря дают нам право с некоторыми основаниями допустить, что сложение северокавказской семьи и ее продолжение в лице западнокавказской общности охватывало в том числе и территорию Восточного Причерноморья. Данные географии и палеогеографии допускают этот процесс в пределах древних природных рефугиумов, в которых разворачивались древние этногенетические процессы с последующим сохранением в виде древних этно-лингвореликтов своим генезисом, восходящих к древнему периоду раннего голоцена. В дальнейшем, по мере накопления данных, нами будут вноситься коррективы и дополнения в схему и модель, представленные автором в данной работе.

Библиографический список

1. *Аджинджал И.А.* Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.
2. *Анчабадзе И.А.* Избранные труды в двух томах. Т. 1. Сухум, 2010. 554 с.
3. *Воронов Ю.Н.* Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги. // Научные труды. Т. 2. Сухум, 2009. С. 252–298.
4. *Инал-ипа Ш.Д.* Труды в 11 т. Т. 2. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухум, 2022.
5. *Канделаки Д.А.* Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья и древнейшие очаги зарождения производящей земледельческой экономики // Труды Ботанического института. Сухум, 2014. Вып. III. С. 16–25.

6. *Канделаки Д.А.* Зарождение древнего земледелия на территории Абхазии: к проблеме ранних этапов (взгляд историка) // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем: матер. конф. к 80-летию проф. А.А. Кудрявцева. Ставрополь, 2021. С. 23–29.

7. *Лисицына Г.И., Прищепенко Л.В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.: Наука, 1977. 127 с.

8. *Маля Е.М.* Льноводство и льняные изделия абхазов // Известия АБИЯЛИ. Тбилиси, 1983. Вып. XI. С. 84–113.

9. *Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 74–94.

10. *Трапи М.М.* Труды. В 5 т. Т. 1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Абхазии. Сухум, 2017.

11. *Цвинария И.И.* Обзор памятников материальной культуры энеолита Абхазии // Известия АБИЯЛИ. Тбилиси, 1977. Вып. VI. С. 116–126.

**АԢСНЫ АДГЪЫЛКӂААРЫХРА АЦӂЫРЦРА
АТОУРЫХТЦААФ ИБЛАЛА: АПАЛЕОГЕОГРАФИА,
АРХЕОЛОГИА, АЛИНГВИСТИКА**

Канделаки Д.А.

Астатиафѣы ирылацѣажѣоуп Ацсны иахѣатанакуа адгъылкѣаарыхра ацѣырцра ацѣхѣатѣи аѣтапкѣа рыуадафракѣа. Автор илкаакѣа рыла, адгъылкѣаарыхра ацѣырцра Ацсни мрагыларааигѣатѣи ацентркѣа рѣи аамѣак азы еицымѣапысуан хѣа. Анеолит аамѣазгы Мрагыларатѣи Амшынеикѣафѣыкѣа адгъылкѣаарыхра заатѣи адшьгаѣцѣа иахѣатѣи мраташѣаракавказтѣи абызшѣакѣа зѣѣо зхылѣыз иреиуан.

Ихадароу ажѣакѣа: Мрагыларатѣи Амшынеикѣафѣыкѣа, Ацсны, анеолит, адгъылкѣаарыхра, ашырз, мраташѣаракавказтѣи абызшѣакѣа, аѣадакавказтѣи абызшѣакѣа, ацсуаа, ахатѣцѣа.